

ЦАРИЗМ и ФРАНЦУЗСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1789 года по ДОНЕСЕНИЯМ И. М. СИМОЛИНА

Приведено по:

«Литературное наследство». 1937. Т.29-30. С.343-382

Веб-публикация: Марта, Ктара (Екатерина Коробко) и редакторы сайты Vive Liberta и Век Просвещения ©

Донесения Симолина дают ценный материал, освещающий одни из участков борьбы между европейскими государствами накануне и в первые годы Великой буржуазной революции во Франции. Посол Екатерины при французском дворе, как и всегда, был занят работой над осуществлением дипломатических комбинаций своей императрицы, как вдруг революционная гроза довольно неожиданно нарушила многие из расчетов его повелительницы.

Симолин смотрел на революцию взглядом русского дипломата с точки зрения тех задач, которые ставила перед ним его должность.

Каковы же были задачи русской политики в тот момент, когда вспыхнула буржуазная революция во Франции?

Три вопроса поглощали в то время внимание Екатерины и ее советников - война с Турцией, война со Швецией и польские дела.

Русские войска закончили кампанию 1788 г. взятием Очакова. Екатерине очень хотелось использовать этот успех, чтобы повыгоднее и вместе с тем поскорее заключить мир. Несмотря на достигнутый успех, положение России было к началу 1789 г. не из легких. Россия начала в 1787 г. восточную войну в союзе с Австрией. Но австрийский союзник становился все менее надежным. Положение в Венгрии и в австрийских Нидерландах было крайне напряженным. Монархия Иосифа II переживала тяжелый внутренний кризис. Кроме того, Иосиф боялся Пруссии, уже поддерживавшей венгерское и бельгийское движения.

Война со Швецией уже не грозила такими опасностями, которых можно было ждать в первые ее дни летом 1788 г., когда шведы, казалось, могли угрожать самому Петербургу. Но и конца ее тоже еще не предвиделось, а вести две войны одновременно было, конечно, нелегко.

Тем временем крупные неприятности грозили русским интересам в Польше. Эти интересы не требовали нового раздела. Но Екатерина не могла допустить поглощения Польши Пруссией. Этому последнему она, конечно, предпочитала новый раздел, между тем опасность прусской гегемонии в Польше была вполне реальной.

Прусская партия в польском дворянстве, во главе с Радзивиллом, Потоцким и Огинским, вела интриги в пользу польско-прусского союза, который фактически поставил бы Польшу в зависимость от прусского короля. В сейме, собравшемся осенью 1788 г., прусская партия приобрела перевес, и сейм взял определенно враждебный России курс.

Пруссия опиралась на Англию. За спиной прямых врагов России - Турции и Швеции - стояла англо-прусская лига, усиленная с 1787 г. Голландией и готовившаяся полностью втянуть в орбиту своего влияния Польшу. Для польского народа это означало бы конец его национальной независимости, для Екатерины это означало бы торжество ее соперника в борьбе за влияние на польский «буфер».

Итак, положение Екатерины, не взирая на победу под Очаковым, в начале 1789 г. было довольно трудным. Ее дипломатия стремится противопоставить враждебной англо-прусской группировке свою собственную, работая над созданием так называемого четверного союза. По мысли русской дипломатии, ослабевавший австро-русский союз должен был быть укреплен путем присоединения к нему Франции и Испании. Каковы были шансы этой комбинации? «За» говорило англо-французское и франко-прусское соперничество. Последнее было совсем недавно обострено прусской интервенцией в Голландии. «За» говорило то, что Франция была связана старым союзом с Австрией и Испанией. «За» говорило и то, что ослабление Франции в последние годы перед революцией зашло так далеко, что она уже не могла мечтать энергично спастись от покушений со стороны России территориальную целостность Турции, как и Швеции, являвшейся традиционной опорой французского влияния в Восточной Европе. Но вместе с тем Франция была заинтересована сохранить от Турции как можно больше и была обеспокоена ее сближением с Пруссией. Это побуждало Францию стремиться к скорейшему окончанию войны на Востоке. А посредничество в деле скорейшего заключения мира с Портой было едва ли не главной услугой, которой русское правительство ожидало от нового союзника.

Но на пути к «четверному союзу» имелись и очень серьезные препятствия. Прежде всего во Франции был, как известно, крайне не популярен союз с Австрией, а идея «четверного союза» конечно включала в себя австро-французский союз в качестве необходимого ингредиента. Между тем все, связанное со сближением с Австрией, связывалось во Франции с именем королевы - «австриячки» и становилось предметом ожесточенной ненависти. Когда во Франции началась революция, то связи Лафайета с бельгийскими демократами, конечно, то же не улучшили австро-французских отношений.

Во-вторых, Испания боялась Англии. По мере ослабления Франции этот страх усиливался.

В-третьих, - и это самое главное - начало революции во Франции, события лета 1789 г., ослабление королевской власти заставляли екатерининскую дипломатию усомниться в ценности Франции как союзника. Этот вопрос и составляет одну из основных проблем, которые интересовали в 1789 - 1791 гг. русского посла в Париже, когда он наблюдал за развитием событий во Франции.

Между тем политическое положение России скорее ухудшалось, чем улучшалось. 31 января был заключен прусско-турецкий союз. В марте 1790 г. - польско-прусский. Он был резко заострен против России. Агрессивная политика Пруссии становилась все более активной.

Незадолго перед тем (в феврале) умер Иосиф II. Наследовавший ему брат его, Леопольд, был союзником менее надежным. Пруссак требовали от Австрии немедленного заключения мира с Турцией на основе «status quo ante» и возвращения Галиции Польше. Последняя должна была заплатить за эту «услугу» высокую цену - отдать Пруссии Данциг и Торн. В этом заключался так называемый план Герцберга, руководившего в те дни политикой Фридриха-Вильгельма II.

На минуту у союзников блеснула надежда, что из-за одного колониального конфликта в Калифорнии начнется война между Испанией и Англией. «Семейный договор», связывавший испанских и французских Бурбонов, обязывал Францию поддержать Испанию. Война Франции и Испании против Англии, конечно, ослабила бы ту поддержку, которую последняя могла оказать Пруссии. Война могла бы помочь и урегулированию бельгийского вопроса, приостановив французское вмешательство. «Четверной союз» имел бы все шансы сделаться реальным фактом. Но вместо вмешательства в пользу Испании англо-испанский конфликт вызвал во Франции только известные дебаты в Национальном собрании о королевских прерогативах в вопросах войны и мира. Между тем Испания капитулировала перед Англией.

Летом 1790 г. Леопольд ловким маневром, на сравнительно выгодных условиях, добился сделки с Пруссией, пригрозив англичанам, что если они не повлияют на свою союзницу в нужном ему духе, то он отдаст Бельгию французам в обмен за компенсации в других местах. Так явилось на свет так называемое Рейхенбахское соглашение. Почувствовав, что Англия их поддержит, пруссаки вынуждены были отказаться от передачи Галиции Польше, а вместе с тем от Данцига и Торна. Но одного они добились: Австрия согласилась заключить мир с турками удовлетворившись лишь сравнительно незначительными «исправлениями» границы. Австро-русскому союзу был нанесен сильнейший удар. Начались австро-турецкие переговоры. В сентябре 1790 г. было заключено перемирие в Жиржове. Россия вынуждена была продолжать войну одна.

Правда, несмотря на поражение русского флота (в июне при Свенек-Зунде), в августе 1790 г. был заключен русско-шведский мир. В декабре Суворов разбил турок под Измаилом. Но зато весной 1791 г. встала опасность прямого вооруженного вмешательства Англии и Пруссии в русско-турецкую войну. Питт горячо боролся за осуществление этого плана, но не смог победить встретившегося сопротивления в английских правящих кругах. В этот-то момент и возник у екатерининских дипломатов план побудить Францию предпринять морскую демонстрацию против Англии, о котором придется подробнее говорить ниже. Из этого ничего не вышло, да и надобность в этом быстро миновала. Миновала - на данный момент. За будущее нельзя было быть спокойным: Россия ведь оказывалась совсем изолированной. В Польше дела шли еще хуже, чем в Турции.

После заключения прусско-польского союза и после разгрома турок при Измаиле польский вопрос становился для России самым трудным. Екатерина стремилась во что бы то ни стало сохранить свое влияние в Польше и не допустить фактического поглощения ее Пруссией. Назревавшая интервенция против буржуазной революции во Франции должна была отвлечь силы Пруссии с Вислы на Рейн. Понятно, что польский вопрос побуждал Екатерину приложить все усилия к тому, чтобы острее англо-прусской коалиции, к которой склонялась теперь и Австрия, повернулось с Востока на Запад, к Франции. Екатерина поняла это уже давно и начала работать над организацией контрреволюционной интервенции против Франции.

Она поддерживает эмигрантов, она поощряет своего вчерашнего врага, Густава шведского, она убеждает Леопольда, она активно интригует среди германских князей, которые были в числе первых европейских монархов, непосредственно затронутых революцией.

Интриги русского представителя при имперском сейме побуждали Австрию и Пруссию к интервенции. При активности русской дипломатии их отказ от поддержки западногерманских государей уронил бы их престиж в Германии. Донесения Симолина дают немало данных, характеризующих контрреволюционную роль русской дипломатии.

Но контрреволюционную роль царизма в последние годы царствования Екатерины II нельзя объяснять исключительно стремлением развязать себе руки в Польше. Поклонница Вольтера ненавидела революцию и боялась ее. Ненавидела животной ненавистью, руководствуясь классовым инстинктом дворянской царицы. Если бы мы, вслед за Сорелем, сказали, что борьба против революции была лишь дипломатической ширмой, поставленной для обеспечения выгодного раздела Польши, то мы совершили бы ошибку. Борьба против революции была для Екатерины борьбой против классового врага и одновременно борьбой за сохранение «европейского равновесия», которому угрожало распространение революции за пределы Франции, даже если бы она остановилась достаточно далеко от русских границ. Что Екатерина старалась провести борьбу против революции чужими руками - это вполне понятно.

Ведь для Австрии и Пруссии вопрос о борьбе против революции стоял еще острее, хотя бы из-за их географической близости к Франции. Уже в силу этого при организации интервенции Екатерина имела, по сравнению с ее партнерами, больше возможностей загребать жар чужими руками. Что при этом, пользуясь обстоятельствами, Екатерина, со свойственной ей ловкостью, устроила свои дела в Польше - это нисколько не противоречит тому, что борьба против революции интересовала ее и сама по себе. Ведь так было и позже, скажем, при Николае I. Борьба против революции и внешняя экспансия всегда шли рука об руку в политике царизма. Поддержка европейских правительств, которым Французская революция угрожала более непосредственно, чем России, заставляла эти правительства, скрепя сердце, мириться с внешней экспансией царизма. Нельзя не принять во внимание и того, что польские и турецкие дела отвлекали силы Екатерины от борьбы против буржуазной революции. Речь идет не только о том, хотела ли Екатерина посылать войска против Франции, но и могла ли бы она это сделать, едва-едва закончив войну с Турцией и будучи занятой в Польше. Богатый материал, иллюстрирующий искреннюю и глубокую ненависть Екатерины к буржуазной революции, дают, в частности, донесения Симолина.

Публикация этих донесений тем более уместна и своевременна, что ряд работ последнего десятилетия уже привлек внимание научного мира к той роли, которую играл дипломатический представитель царской России в контрреволюционной интриге, преследовавшей цели восстановления престижа монархии в Европе, с одной стороны, и спасения королевской семьи от народного гнева - с другой.

Однако дипломатическая переписка является важнейшим источником не только по истории международных отношений: зачастую она дает весьма ценный материал и по истории той страны, при правительстве которой был аккредитован тот или иной дипломатический представитель. В этом отношении донесения русского посла в Париже, Симолина, состоявшего при французском дворе в период с 1784 г. до начала 1792 г., а потому являвшегося свидетелем-очевидцем грандиозных, имевших всемирно-историческое значение событий Французской революции, представляют не меньший интерес.

Иван Матвеевич Симолин родился в 1720 г. в немецкой дворянской семье, предки которой еще в XVII в. переселились в Швецию. Его отец был пастором в Або, затем в Ревеле. В 1743 г. Симолин поступил на службу в коллегия иностранных дел. Со следующего года, когда Симолин был назначен исполняющим обязанности секретаря посольства в Копенгагене, начинается его дипломатическая карьера. В 1757 г. Симолин был переведен секретарем посольства в Вену; в 1758 г. его назначают министром-резидентом в Регенсбург. В 1771 г., во время первой русско-турецкой войны, Симолин состоял дипломатическим агентом при главнокомандующем русской армией П. А. Румянцеве; с 1772 по 1775 гг. был чрезвычайным посланником и полномочным министром в Дании, откуда был переведен на тот же пост в Швецию, где оставался до 1779 г., когда его перевели в Лондон. Наконец, в 1784 г. Симолин, имевший тогда уже чин действительного тайного советника, был назначен полномочным министром в Париже, где он сменил князя П. С. Барятинского и где оставался до 7 февраля 1792 г., когда был фактически отозван русским правительством.

Из Парижа Симолин отправился через Брюссель в Вену специально для выполнения взятого им на себя поручения Марии-Антуанетты, переславшей с ним записку к ее брату - императору Леопольду II. В Вене Симолин вел переговоры с австрийским двором о возможности организации военной интервенции во Францию. Выполнив это поручение, он приезжает (17 апреля 1792 г.) в Петербург для устного доклада императрице о положении дел во Франции. О свидании Симолина с Екатериной II, имевшем место в апреле 1792 г., рассказывает в своем дневнике Храповицкий: «Сего утра, - пишет он, - с Симолиным, из Парижа приехавшим, разговаривали более часу... Шутили на счет Франции, и, показав мне в окно на идущих солдат сказали: «*Ils n'ont pas des piques patriotiques*». Я примолвил: «*Ni des bonnets rouges*»¹.

В июле того же года Симолин отправляется через Митаву и Берлин в Бельгию, где и остается на ближайшие годы, наезжая по временам в Германию. Из Брюсселя, а затем Кельна, Дюссельдорфа и Франкфурта-на-Майне он продолжает посылать свои донесения о положении дел во Франции и военных действиях союзных прусско-австрийских войск против республики. В 1797 г., после отставки вице-канцлера Остермана, Симолин получил распоряжение направлять свои донесения непосредственно Павлу I.

Донесения, адресованные Павлу, содержат главным образом сведения о положении дел во Франции, о передвижении французских войск, о революционной пропаганде на левом берегу Рейна². Последнее донесение Симолина датировано 9 января 1798 г. Осенью 1799 г., проезжая через Вену по пути в Россию, Симолин умер (19 сентября). В придворно-дипломатических кругах за Симолиным упрочилась репутация дельного, аккуратного до пунктуальности чиновника и опытного дипломата³.

Не менее высокую оценку своих «дипломатических» способностей Симолин нашел в кругу тайных агентов королевской семьи. Как известно из ценной публикации A. Söderhjelm. Fersen et Marie-Antoinette. Journal intime et correspondance du comte Axel de Fersen (Paris, 1930), один из них, богатый шотландец Крафорд (Crauford), предпринявший лично демарш в Лондоне в целях спасения короля и королевы и имевший свидание с самим Питтом, рекомендовал Марии-Антуанетте Симолина для передачи ее письма императору. При этом он характеризовал его в следующих выражениях: «Я знал мало представителей дипломатического мира, которые держались бы более правильной, более твердой линии поведения или отличались бы более верным тактом, чем он».

Публикуемые за соответствующий период донесения Симолина показывают, что он вполне оправдал надежды, возлагавшиеся на него Крафордом. Они раскрывают во всех подробностях, как с конца 1791 г. Симолин был вовлечен в круг самых близких и доверенных королевской семье лиц - Ферзена, Крафрода и их общей возлюбленной, м-ме Sullivan, организаторов Варенна, бежавших из Парижа одновременно с Людовиком XVI и Марией-Антуанеттой и являвшихся в последующий период связующим звеном между ними и брюссельским гнездом заговорщиков-интервенционистов.

Общее число донесений Симолина, относящихся к Французской революции, составляет более тысячи. Некоторые из них посылались в зашифрованном виде.

Вместе с донесениями Симолин посылал большое количество всякого рода материалов, рисующих тогдашнее политическое положение Франции, - экземпляры газет, брошюр, памфлетов докладных записок («мемуаров»), официальных актов (как, например, отчеты о заседаниях Национального собрания, королевские обращения к народу), карикатур и т.п.⁴

В настоящем сборнике публикуется только часть донесений. Составители ограничились, во-первых, определенными хронологическими рамками. Мы публикуем донесения Симолина начиная с января 1789 г. и кончая его последним донесением из Вены от 17 марта 1792 г. Выбор последней даты отнюдь не является случайным. Со времени отъезда Симолина из Парижа (7 февраля 1792 г.) его донесения, особенно касающиеся внутренних событий во Франции, в значительной мере утрачивают свою ценность. Теперь это уже не донесения непосредственного наблюдателя-очевидца: обосновавшись в Брюсселе, а затем наезжая в Германию, Симолин составляет свои донесения на основании материалов, получавшихся им от его тайных парижских агентов. В этих материалах сведения о событиях Французской революции даются им со значительным запозданием, сообщения далеко не блещут точностью и доброкачественностью. Большей частью донесения агентов Симолина носят отрывочный характер и отличаются бледностью изложения. Достаточно, например, сопоставить почти ничего не дающее донесение такого агента о событиях 10 августа 1792 г. и собственное, чрезвычайно красочное, описание Симолиным исхода парижских женщин на Версаль - 6 октября 1789 г.⁵ Лишь в некоторых случаях сведения, доставленные секретными парижскими агентами Симолина и сообщенные им затем в Петербург, содержат интересный материал. Так, в донесении от 13 марта 1792 г. один из таких агентов сообщает, что при получении известия о смерти императора Леопольда II (брата Марии-Антуанетты) «рыночные торговки не постыдились отправиться плясать под окнами королевы, заставляя музыкантов разыгрывать «За іга»». В других донесениях секретной агентуры Симолина того же брюссельского периода мелькает ряд мелких и интересных замечаний, относящихся к генералу Дюмуре. «...Это один из тех якобинцев, - пишет, например, один из агентов, - которые, раз пробравшись в министры, не задумываются стать весьма приемлемыми роялистами». «Хотя Дюмуре, - говорится в другом месте, - попал в министры благодаря их (якобинцев. - Н.Л.) влиянию, он отлично сознает все опасности пропагандируемой ими анархии. Он предполагает обрисовать на днях в Собрании истинное положение вещей, достаточно ужасное, чтобы вызвать объединение всех партий и создать своего рода диктатуру в лице исполнительной власти»⁶.

Известный интерес представляют также донесения самого Симолина, в которых рисуется его роль в попытке генерала Дюмуре произвести контрреволюционный переворот объединенными усилиями французской и австрийской армий. Эти донесения содержат подробный рассказ о ходе переговоров Дюмуре с австрийским командованием, а также сообщение о свидании Симолина с Дюмуре⁷. Но это - все или почти все ценное, что можно извлечь из донесений этого периода.

Значительно большую ценность представляют донесения Симолина из Вены, рисующие контрреволюционную деятельность этого дипломата по выполнению поручений королевы Марии-Антуанетты⁸. Вот почему мы считаем необходимым включить некоторые из венских донесений Симолина в число публикуемых нами материалов.

Таким образом, определяются хронологические рамки подобранных для настоящего сборника документов - с января 1780 г. до половины марта 1792 г. Но и за этот период публикуются не все донесения, а лишь часть их. Отобраны главным образом донесения, посвященные важнейшим событиям Французской революции (за исключением донесений, содержащих подробные отчеты о заседаниях Национального собрания хорошо известные из прессы и других источников), а также рисующие дипломатическую деятельность Симолина, в особенности в той ее части, которая иллюстрирует контрреволюционную роль правительства Екатерины II и ее дипломатического представителя в Париже. Считаем необходимым оговорить, что все донесения, включенные в публикацию, даются целиком. За немногими исключениями, публикуемый архивный материал появляется в печати впервые⁹.

Как источник по истории Французской революции донесения Симолина представляют несомненную ценность уже потому, что здесь мы имеем дело с показаниями весьма вдумчивого наблюдателя, порой - свидетеля-очевидца. Его первые же донесения начала 1789 г. говорят об интересе этого дипломата к экономическому положению «низов» французского населения. Симолин тщательно регистрирует все факты, рисующие рост дороговизны предметов первой необходимости, сыгравший столь важную роль в революционном движении городских («плебейских», по Марксу) масс.

Движение 5-6 октября 1789 г. он совершенно правильно ставит в связь с наблюдавшимся тогда острым недостатком хлеба в Париже¹⁰. В том же донесении Симолин правильно отмечает политическую ситуацию момента, сообщая, что положение короля после переезда в Париж почти не отличается от положения «пленника».

С большой тщательностью русский посол регистрирует все случаи народных волнений в Париже, начиная с так называемого «дела Ревельона». Читая донесения Симолина за первые месяцы революции, чувствуешь, в какой накаленной атмосфере работало Национальное собрание¹¹.

Суждениям Симолина и его оценкам того или иного политического момента часто нельзя отказать в политической трезвости и меткости. Характеризуя в донесении от 19 июля 1789 г. положение вещей, создавшееся после **взятия Бастилии**, он пишет:

«Если бы король отказался подчиниться требованиям постоянного муниципального комитета, народ, по всей вероятности, сверг бы его, таким образом, этот добрый государь... был поставлен в жесткую необходимость сдаться на милость бунтовщиков, тем более, что французская гвардия его подло покинула и он совсем не мог полагаться на войска, сосредоточенные вокруг Парижа и Версаля».

А вот как расценивал посол Екатерины позицию, занятую после бегства короля в Варенн Национальным собранием, уже напуганным начинавшимся в стране республиканским движением: Национальное собрание «старается казаться строгим, но, быть может, не будет таковым в действительности»¹². В своих донесениях, из которых Екатерина II черпала основную информацию о Французской революции, Симолин опирался не только на непосредственные наблюдения, но и на имевшийся в его распоряжении печатный материал - современные газеты, журналы, мемуары и брошюрную литературу. Об этих печатных источниках донесений Симолина можно судить по прилагаемым к его донесениям материалам. В донесениях, относящихся к 1789 г., Симолин использовал, по-видимому, главным образом такие газеты, как умеренно-либеральный «Journal de Paris», начавший с 1 мая 1789 г. выходить под новой редакцией Кондорсе и Гара, а также роялистские органы, как «Gazette de France» и «Journal Politique National».

Это последнее издание, одно из первых начавшее энергичную борьбу против революции, служило, по-видимому, для Симолина в 1789 г., как и в последующие годы, одним из главных источников его политической информации.

«Сообщения «Journal Politique National» о революции во Франции, - пишет он в донесении от 28 января 1790 г., - бесспорно, наиболее интересны, умеренны и правдивы, поэтому ни один типограф, книгопродавец и разносчик не захотел взять на себя труд печатать это издание, принимать на него подписку и разносить его. Издатель его, аббат Саббатье де Кастр, вынужден был переселиться в Брюссель, и затруднения, которые встретились при выпуске этой газеты, очень замедлили ее получение». Позднее, в 1791 г., «Journal Politique National» занимал уже более левую позицию.

1790-1791 гг. главным источником для донесения Симолина, помимо уже указанных изданий, служил орган придворной партии, «Gazette de Paris», а также начавший выходить в ноябре 1789 г. «Actes des Apftres» - орган роялистов, издававшийся Риваролем. За эти годы Симолин переслал вместе со своими донесениями до ста номеров этого наиболее влиятельного в контрреволюционных кругах политико-сатирического органа.

Помимо сведений, извлекавшихся Симолиным из прессы и других печатных материалов, важную роль в его донесениях играет информация, получавшаяся им непосредственно от тогдашнего французского министра иностранных дел Монморена, с которым русский посол поддерживал до половины 1790 г. весьма интересные сношения. Монморен ориентировал Симолине не только во внутреннем положении Франции, но и относительно деятельности дипломатических представителей Пруссии и Англии при французском дворе. С половины 1790 г. встречи и беседы Симолина с Монмореном на приемах дипломатических представителей становятся все более редкими, а к концу 1790 г. почти прекращаются¹³.

Несмотря на свою природную нелюдимость и неразговорчивость, Симолин аккуратно присутствовал на версальских балах и различных придворных церемониях, знакомился с нужными ему людьми и получил от них интересовавшие его сведения. Он регулярно посещал один из салонов, где можно было встретить хорошо информированных в политических делах лиц. Со времени созыва Национального собрания Симолин завел знакомство со многими депутатами: Мирабо, Талейраном и др.¹⁴

С половины 1790 г., когда политическое влияние Монморена, а следовательно, его значение как информатора начинает падать, Симолин широко использует также сведения, получаемые им от своего секретного агента, чиновника французского департамента иностранных дел, подкупленного им через посредство секретаря русского посольства Машкова. Через этого секретного агента Симолину удалось, между прочим, получить шифр, употреблявшийся Монмореном в его переписке с французским поверенным в делах при петербургском дворе Жене (Genet). Шифр был переслан с Машковым в Петербург, где им пользовались при перлюстрации донесений Жене его правительству¹⁵. Сам Симолин узнавал о содержании депеш Жене от того же чиновника французской службы, что имело важное значение для информации русского двора, так как не все письма Жене удавалось перлюстрировать в Петербурге. Информация от секретных парижских агентов (их было, по-видимому, несколько) продолжала получаться Симолиным и после его отъезда из Парижа, вплоть до 1795 г.¹⁶

Источником информации Симолина были и депеши французского посланника в Константинополе графа Шуазель-Гуффье, о содержании которых он узнавал, по-видимому, от одного из своих тайных агентов. Так, в одном из донесений Симолина читаем: «Курьер, отправленный этим министром (Монмореном. - Н.Л.) несколько месяцев тому назад в Константинополь к г-ну Шуазель-Гуффье, вернулся оттуда. Депеши последнего датированы 13 июня. Он сообщает, что представители Англии и Пруссии потеряли у Порты всякий кредит, что их вызвали на совещание и объяснились с ними самым нелюбезным образом, что, возвращаясь к себе, они бросали деньги в народ, который приписывает им все испытываемые несчастья и который хотел уже поджечь здание посольств. Г-н Шуазель-Гуффье не мог узнать, о чем шла речь на этом совещании. Этот посол полагает, что война между Австрией и Портой возобновится ввиду отказа последней произвести какой-либо обмен для урегулирования вопроса о границах Кроатии, хотя обмен ей и выгоден, и что военные действия еще продлятся»¹⁷.

В то же время из перехваченных депеш царский посол узнавал кое-что из деятельности и самого Гюффе, чем очень интересовались в Петербурге. Симолину удалось подкупить даже некоторых членов Дипломатического комитета, которые помогали ему воздействовать на Монморена. Русский посол собирался включить в число «своих друзей», как он именует в донесениях своих высокопоставленных тайных агентов, Мирабо, о котором раньше он отзывался в весьма нелестных выражениях. Лишь тяжелая болезнь и смерть Мирабо помешали Симолину установить «контакт» с знаменитым трибуном. «Я более чем когда-либо сожалею о смерти г-на Мирабо, - писал Симолин, в донесении от 27 мая 1791 г., - он смог бы преодолеть препятствия, которые создали г-н дю Шатле и г-н де Монморен к выполнению его плана, и увлек бы их вопреки их воле». Зато с Талейраном, преемником Мирабо в Дипломатическом комитете, соответствующий контакт был налажен, и Симолину удалось привлечь и использовать его (факт, остававшийся до сих пор неизвестным биографам Талейрана)¹⁸.

При наличии огромного количества печатных источников и литературы по истории Французской революции донесения Симолина не могут, казалось бы, дать значительный новый материал для истории этой эпохи. И все же, оказывается, такой материал имеется.

В ряде донесений Симолина мы находим, например, любопытные подробности, относящиеся к «делу Ревельона», процессу Фавра, расправе толпы с Бертье и т.п.

В донесении от 9 июля 1790 г. Симолин сообщает об организации своего рода «субботника» по сооружению амфитеатра, предназначенного к открытию в [день празднования годовщины взятия Бастилии](#). «Марсово поле, - доносил Симолин, - представляет собой уже несколько дней самое необычайное зрелище. Амфитеатр, возводимый по всей его окружности, оставался незаконченным, несмотря на непрерывную работу от 12 до 15 тыс. рабочих. Граждане из опасения, что эта большая работа не будет выполнена к назначенному сроку, взялись однажды вечером за заступы и лопаты, чтобы помочь рабочим. На другой день стечение народа стало еще многочисленнее; можно было видеть людей всех сословий, всех возрастов, нарумяненных женщин в шляпах, украшенных перьями, кавалеров ордена св. Людовика, священников, монахов - все они поспешили принять участие в этих работах. Таким образом, более 40 тыс. человек занято теперь сооружением этого обширного амфитеатра».

Крайне любопытны сообщения Симолина, рисующие разложение старой королевской армии и подчеркивающие роль городской буржуазии в этом процессе. «В истории Франции, - пишет Симолин, - нет примера подобного заговора всех буржуа городов, направленного на то, чтобы сбить с толку солдат всеми способами соблазна»¹⁹.

Донесения Симолина дают ряд интересных сообщений относительно эмиграции в Россию во время революции искусных французских мастеров, в том числе ремесленников, занятых изготовлением сукон и различных других материй. В целях вербовки таких ремесленников на русскую службу Симолин завязал ряд связей в провинциальных городах Франции²⁰.

Эти донесения вскрывают стремление русского правительства заселить юг России эмигрантами-промышленниками, привлечение которых рекомендовалось Симолину особой инструкцией от 30 сентября 1790 г.²¹

Значительный интерес представляют донесения, относящиеся к области международных отношений. Эти донесения касаются прежде всего деятельности Симолина по заключению союзного трактата с Францией, к которому впоследствии предполагалось привлечь и Испанию. В помощь Симолину для ведения переговоров об этом «четвертном союзе»²² Екатерина командировала в Париж принца Нассау-Зигена. Однако именно Французская революция помешала осуществлению этого проекта²³.

Одной из важнейших задач Симолина являлось также осведомление правительства Екатерины II о положении дел в Турции и Швеции, с которыми царская Россия вела войну.

Весной 1791 г., когда Пруссия, а особенно Англия, готовы были предпринять ряд практических шагов с целью парализовать успехи России в русско-турецкой войне, Симолин по поручению петербургского правительства добивался от Франции демонстративной мобилизации военного флота и приведения в боевую готовность портовых укреплений. Эта мобилизация должна была «внушить страх Англии» и обезвредить «низкие и коварные происки лондонского и берлинского дворов». Однако поставленная Симолиным перед собой задача оказалась не из легких. Для того чтобы получить согласие Национального собрания на это рискованное предприятие, грозившее обострить англо-французские отношения, требовалось убедить в необходимости этой меры Дипломатический комитет и Монморена. В своих донесениях Симолин сообщает о возможности подкупа некоторых членов Комитета, если можно будет рассчитывать на «щедрость и великодушие ее императорского величества». Однако домогательства Симолина разбились о сопротивление некоторых членов Комитета, а также самого Монморена, ссылавшегося на необходимость заручиться предварительным согласием испанского двора, а затем - на ненужность этой демонстрации ввиду близкого окончания русско-турецкой войны.

Таким образом, предложение Симолина о приведении в боевую готовность 35 линейных французских кораблей и соответствующего числа фрегатов, а также о вооружении портов не встретило сочувствия ни среди большинства членов Дипломатического комитета, ни со стороны министра иностранных дел и потерпела неудачу²⁴.

Но главный интерес донесений Симолина заключается в том материале, который рисует «контрреволюционную» роль русского царизма во внешней политике со времени Екатерины II²⁵. В первой половине XIX в. и позже эта роль обеспечила самодержавию, как известно, репутацию «международного жандарма».

Прямое участие России в вооруженной интервенции во Франции путем присоединения к первой коалиции европейски держав относится к весне 1793 г. Но уже в силу договора с Россией от 23 января того же года Пруссия получила свою долю в разделе Польши под условием продолжать военные действия против Франции, чтобы помочь Австрии вернуть Нидерланды, которые должны были отойти к Пруссии; Австрия же должна была получить в обмен на них Баварию и «некоторые другие выгоды, которые совместимы с общей пользой». Под этими выгодами, очевидно, разумелись возможные приобретения Австрии за счет Франции. Эти обещания должны были послужить утешением Австрии, которую Екатерина II и прусский король решили устранить от участия в новом разделе Польши²⁶. Таким образом, Екатерина II была непосредственно заинтересована в успехах коалиции на французском фронте. Второй раздел Польши между Россией и Пруссией был направлен и против Французской республики, ибо польский вопрос был в эти годы неотделим от французского. Январским договором 1793 г. Россия и Пруссия как бы распределили свои роли в борьбе с Францией и ее союзницей - Польшей.

Договор 25 марта 1793 г. обязывал Россию принять участие в блокаде Франции. Непосредственное участие в военных действиях против Французской республики относится к 1798 г., когда Павел I присоединился ко второй коалиции держав, организованной против республики под руководством Англии. Но помощь французским эмигрантам и дипломатическая интервенция со стороны царской России начались гораздо раньше.

С первых же дней Французской революции русская императрица проявила свое отрицательное к ней отношение. Полученное от Симолина сообщение о революции 14 июля и взятии Бастилии вызвало у Екатерины II крайнее раздражение и резкий выпад против Людовика XVI, не сумевшего поддержать свой королевский престиж. Этот эпизод отметил в своем дневнике Храповицкий: «...Разговор е.в. о происшедшем в Париже. Le pourquoi est le Roi? Он всякий вечер пьян, и им управляет кто хочет, сперва Breteuil, партии королевской, потом prince Conde et comte d'Artois и, наконец, La-Fayette уговорили его идти в собрание депутатов»²⁷.

Екатерина называла Учредительное собрание «гидрой о 1200 головах», «собранием адвокатов, прокуроров и сапожников, выдающих себя за законодателей», «шайкой безумцев и злодеев». Даже такие умеренные члены Собрания, как Монморанси и де Ноайль, выступившие с знаменитым предложением дворянства в **ночь на 4 августа**, были аттестованы Екатериной как «негодяи», а один из Ламетов - как «буйный сумасшедший».

В письме к принцу де Линю (от начала августа 1790) Екатерина писала: «Говорят, что с 14 июля все конфедераты каждый день пьяны. Так как не бывает последствий без причин, то, вероятно, существуют причины и тому, что в Париже 1000 людей напиваются допьяна ежедневно...

Я думаю, что Вольтер и его сочинения отвлекли бы от фанатизма и нелепостей настоящего момента и они не смогли бы продержаться долго. Вольтер не терпел никакого фанатизма. Неучи обоего пола пребывают точно такими же, какими вы их оставили, и, как уже было признано, не способны сочинять стихи, несмотря на то, что два учителя усиленно старались научить меня укладывать в размер мои мысли. Впрочем, я гораздо больше люблю стихи, чем прозу г-на Сегюра, в которой он нападал на лучших деятелей этого Национального собрания, которое, судя по всем принятым правилам и понятиям, лишено здравого смысла и отличается в высшей степени неблагоприятными действиями. Я считаю этих людей больными... Басня о членах человеческого тела, захотевших предписывать законы желудку, никогда не может быть лучше применена, чем теперь»²⁸.

Екатерина II нападала на Французскую революцию, прекрасно учитывая возможность перенесения революционной заразы даже в самодержавно-крепостническую Россию. Французский посол в Петербурге Сегюр сообщал, что известие о взятии Бастилии вызвало «сильное волнение и общее неудовольствие» при дворе и в то же время взрыв «энтузиазма... среди купцов, лавочников, горожан и части молодежи высшего слоя... Все - французы, русские, датчане, немцы, англичане, голландцы - поздравляли друг друга, точно их освободили от тяжелых оков...» Сорель ошибается, когда утверждает, что Екатерина не боялась революционной пропаганды у себя дома; у него нет никаких аргументов для такого утверждения, кроме ссылки на письмо Екатерины к Гримму, где императрица явно бравирует, говоря в ироническом тоне о возможности серьезных отзвуков революционных событий в России²⁹.

Сохранились собственноручный черновик письма Екатерины II к маршалу герцогу де Броуи без даты и отпуск того же письма, датированный 22 октября 1791 г. В этом письме Екатерина выражает горячие симпатии французской аристократии, оказавшейся за пределами Франции, но оставшейся верной ее монарху. Говоря о своем покровительстве эмигрантам, Екатерина пишет: «Я только выполняла свой долг, защищая дело короля, то дело, которое в то же время является делом аристократии. Нет дворянства, нет и монарха... Не было более справедливого, более славного, великого и благородного дела, чем то, которому вы служите»³⁰.

После неудачного бегства Людовика XVI в Варенн и принятия королем конституции (14 сентября 1791 г.) русское правительство фактически идет на разрыв дипломатических отношений с революционной Францией³¹. В записке императрицы к Безбородко от 30 июня (ст.стиля) 1791 г. говорится о ее намерении «с венским и иными дворами условиться, чтобы когда французское Народное собрание объявит от себя, что оно со всеми державами хочет жить в согласии, им ответствовать и требовать освобождения короля Людовика XVI, его супруги и фамилии, и в противном случае от них не принимать министров, а своим приказом выехать, кораблей их не пускать в гавани, а всех присягнувших Собранию не терпеть нигде; королевской же партии дать покровительство, понеже сие дело есть дело всех королей...»³²

В «Записке по французским делам», помеченной 24 сентября (ст.стиля) 1791 г., Екатерина II возмущается, что «короля заставили подписать не христианскую конституцию, но антихристову». Там же императрица высказывает мнение, что, не снесясь предварительно «с дворами, кои признавать будут оные дела за дело всех государей», не следует признавать никаких актов французского правительства³³. Итак, дипломатический и экономический бойкот революционной Франции впредь до восстановления короля - такова была программа Екатерины II осенью 1791 г. В этот бойкот предполагалось вовлечь и другие государства.

Но участвовать в вооруженной интервенции в дела Франции, на чем настаивали французские принцы-эмигранты, Екатерина II пока отказывалась, ссылаясь на полное бессилие контрреволюционной партии в самой Франции, у которой не оказалось достаточно «воли и силы, чтобы восстановить монархию»³⁴. К тому же незаконченность мирных переговоров с Турцией (Ясский мир был подписан лишь 9 января 1792 г.) и необходимость держать достаточное количество войск на западной границе, в подкрепление своих притязаний при новом разделе Польши, не позволяли Екатерине II решиться в тот момент на обещание вооруженной поддержки эмигрантам. Ее план заключался в том, чтобы втянуть Австрию и Пруссию в коалицию против Франции и тем отвлечь их внимание от польских дел. В одной из бесед с Храповицким императрица откровенно заявила: «Il y a des raisons qu'on ne peut pas dire; je veux les engager dans les affaires pour avoir les coudées franches. У меня много предприятий неоконченных, и надобно, чтобы они были заняты и мне не мешали»³⁵.

Правда, этот план был разгадан венскими и берлинскими дипломатами. «Императрица, - говорил Кауниц, - ждет только того, чтобы Австрия и Пруссия вмешались во французские дела, чтобы все перевернуть в Польше». Поэтому никак нельзя согласиться с Сорелем, будто французская революция ничего не изменила во внешней политике Екатерины, якобы всецело определявшейся тогда польскими делами³⁶.

Но денежную помощь принцам Екатерина оказывала неоднократно³⁷. В то же время она имела весьма конкретный план «спасения» Франции: она прилагала старания к примирению партии принцев с партией королевы, к созыву собрания трех сословий и парламентов, предусматривала даже необходимость амнистии, «так как число виновных несметно».

Но Екатерина II считала, что для этого во всяком случае надо действовать силой. «Парламентам, как и трем сословиям, необходима для их восстановления сила оружия, а не рассуждения: там, где надо драться, чтобы заставить понимать, переговоры кратки и почти ненужны»³⁸. Принцы должны полагаться в основном не на вмешательство иностранных войск, а на собственную армию.

В письме к Гримму от 27 августа 1791 г. Екатерина рекомендует французским эмигрантам объединиться на платформе преданности королю и монархии и, вернувшись во Францию, развить там контрреволюционную деятельность. В том же письме она сообщает своему корреспонденту, что «Симолин, вероятно, один из первых покинет Париж», так как вице-канцлер уже посоветовал бывшему королевскому поверенному в делах, г-ну Жене, не являться более ко двору³⁹.

Императрица не желала иметь в России представителя революционной Франции. К сообщению Симолина (от 14 ноября 1791 г.) о получении Жене (Genet) новых верительных грамот приложена собственноручная записка Екатерины II: «Буде снова Женет аккредитован будет, то просто объявить, что от него ничего принято не будет»⁴⁰.

В августе же Симолиным было получено письмо от Остермана (от 31 июля 1791 г.), в котором рекомендовалось воздерживаться от каких бы то ни было сношений с французскими министрами ввиду того, что король не свободен и находится на положении арестованного⁴¹.

В докладе, представленном Монмореном Законодательному собранию 31 октября 1791 г., где были изложены ответы европейских дворов на французское сообщение о принятии королем конституции, ничего не говорилось, как официально реагировала на это сообщение Екатерина II⁴². Известно, однако, что Коллегия иностранных дел в Петербурге отказалась принять это сообщение, посланное на имя Екатерины Людовиком XVI. 30 января 1792 г. Симолин получил депешу от Остермана (от 3 декабря 1791 г.) с предписанием немедленно покинуть Францию, сдав дела поверенному в делах М.С.Новикову. В то же время Симолину предлагалось выразить на прощальной аудиенции сочувствие Екатерины II Людовику XVI и Марии-Антуанетте⁴³.

Отъезд Симолина из Парижа, состоявшийся (под видом отпуска) 7 февраля 1792 г., фактически означал отзывание русского посла из Парижа. Через пять месяцев Жене вынужден был покинуть Петербург. 8 июля 1792 г. ему было объявлено повеление Екатерины немедленно выехать из России, 14-го ему уже вручили паспорт и подорожную, 16-го состоялся его отъезд⁴⁴.

В апреле 1793 г. Екатерина II писала английскому королю Георгу III: «Причинами моего вмешательства в дела Франции являлись, бесспорно, не столько личные мои интересы, сколько интересы соседних с этим королевством держав. Отделенная от Франции громадными преградами, я могла бы, приняв некоторые меры предосторожности, и в особенности благодаря счастливому характеру народов, находящихся под моим скипетром, спокойно ждать завершения событий...

Друг порядка, справедливости и всеобщего счастья человечества, побуждаемая лишь этими чистыми и бескорыстными мотивами, я старалась пробудить активность и привлечь внимание европейских держав к тем многообразным опасностям, которые угрожали им в результате французской революции»⁴⁵.

В этих строках нарочито преуменьшается опасность «революционной заразы» для подданных Российской империи, чтобы подчеркнуть «бескорыстие» Екатерины и ее мнимую незаинтересованность в вооруженной интервенции во Францию. Приведенное выше показание Сегюра заставляют усомниться в том, что в годы революции императрица твердо верила в «счастливый характер народов», подвластных ее скипетру, да и воспоминания о крестьянской революции 70-х годов XVIII в., так называемом «пугачевском бунте», были еще очень свежи в памяти Екатерины и русских дворян-крепостников. В некоторых письмах французского поверенного в делах в Петербурге, Жене, имеются определенные указания на наблюдавшийся в 1789-1791 гг. рост недовольства среди крестьян и купцов затяжной войной с Турцией⁴⁶. Вмешательство держав должно, по мнению Екатерины, выразиться в решительной поддержке вооруженной интервенции, которую готовят французские принцы-эмигранты. Но для успеха их предприятия необходимо, чтобы в самой Франции образовалась сильная контрреволюционная партия, которая взяла бы верх над той «мерзкой кликой» («*faction d'itétable*»), которая там господствует в настоящее время. «Действительно, без этого средства как можно надеяться вернуть на путь истинный нацию в 25 миллионов человек, то и дело сбиваемую с толку вероломными советами, - нацию, вовлеченную в ужасные насилия ее теперешними руководителями»⁴⁷.

Итак, создание крепкого ядра роялистской партии в самой Франции, помощь вооруженной интервенции принцев со стороны держав - такова программа борьбы с революцией, выдвигавшаяся Екатериной II весной 1793 г. Посылать своих «казаков» против революционной Франции императрица еще не обещает: они ей были слишком нужны для завершения расчленения Польши.

Разделял ли Симолин *целиком* отношение Екатерины II к Французской революции? Если говорить о первом годе революции, на этот вопрос приходится ответить, безусловно, отрицательно.

В донесении от 10 апреля 1789 г. он называет будущие Генеральные штаты «августейшим собранием» («*Assemblée auguste*»). О некоторых актах Национального собрания, относящихся к началу его деятельности, Симолин отзывался в своих донесениях с явным сочувствием. Так, сообщая о знаменитой клятве в «*Jeu de Paume*», он прибавляет: «Сегодняшний день - один из самых интересных и составит эпоху в истории французской монархии». В другом донесении он отзывается об отмене десятины и других феодальных поборов церкви как об одном из «важнейших законодательных актов Франции, имевших место со времен капитуляриев Карла Великого». Особое восхищение Симолина вызывает «превосходный доклад» Мунье, в котором он утверждал, что основные законы Франции не противоречат конституции, и призывал приступить к ее выработке⁴⁸.

Эти, на первый взгляд неожиданные, отзывы Симолина по поводу деятельности Национального собрания объясняются не только грандиозностью происходивших на его глазах событий производивших сильное впечатление даже на царского чиновника, но и его особым подходом к революции, определявшимся прежде всего интересами внешней политики царской России. К началу Французской революции Екатерина вела в союзе с Австрией войну с Турцией, которую поддерживали Пруссия и Англия, и с Швецией. В то же время она старалась не упустить своей доли в намечавшемся новом разделе Польши, которую пока поддерживала против России та же Пруссия. При такой международной ситуации царизм был крайне заинтересован в привлечении к австро-русскому союзу Франции и Испании. В этом направлении и вел свою дипломатическую работу Симолин. Но Франция была накануне революции, государственные финансы были в катастрофическом положении, административный аппарат был расшатан, росло всеобщее недовольство ненавистным режимом. Ослабленное революционным взрывом, королевское правительство уже не могло быть ценным союзником. Но Симолин надеялся, что с созывом Генеральных штатов финансовое положение Франции улучшится, все придет в порядок, королевская власть укрепитя, наступит счастливое возрождение политической мощи страны, следовательно, возрастет ее международный престиж. Отсюда - его благожелательное отношение к созыву Генеральных штатов и первым шагам деятельности Национального собрания.

Но успехи революции затруднили переговоры о союзе; общественное мнение Франции не хотело и слышать о союзе с Австрией, не хотело вступать в коалицию, враждебную Турции и Польше, одновременно рискуя вооружить против себя Англию. При таких условиях французская дипломатия затягивала переговоры, хотя король и королева, как доносил Симолин, признавали желательность франко-испано-русско-австрийского союза. Дальнейшие успехи переговоров о союзе зависели, как казалось Симолину, от сохранения добрых отношений между королем и Собранием. Вплоть до взятия Бастилии он еще верил в возможность избежать революции⁴⁹. С этой точки зрения известная уступчивость двора в отношении Собрания была крайне желательна. Отсюда известный, правда, крайне умеренный и преходящий, «либерализм» Симолина.

Отсюда же его особый интерес к состоянию государственных финансов Франции как показателю устойчивости правительства, его ценности как союзника. В донесении об открытии Генеральных штатов Симолин отмечает успокоительную речь Неккера о дефиците в государственном бюджете. В приложении к донесению от 20 сентября 1789 г. он с тревогой сообщает: «Так как со времени революции 12 июля налоги более не собираются, то все источники доходов иссякли, а Национальное собрание бесплодно теряет время вместо того, чтобы заняться воссозданием доверия и кредита и восстановлением финансов. При виде всего, что происходит, невольно думаешь, что Генеральные штаты были собраны только для разрушения государства». В донесении, относящемся уже к началу 1790 г., он пишет: «Так как вся нация вооружена, трудно, если даже не невозможно, заставить ее платить налоги. Поэтому отовсюду сообщают, что никаких сборов налогов не производится, и это должно само собой привести к банкротству»⁵⁰.

Взятие Бастилии сильно поколебало надежды Симолина на возрождение Франции как могущественной державы, на ее способность стать ценным союзником царской России и на скорое присоединение ее к русско-австрийскому союзу. «Я счел своим долгом, - говорит он в донесении от 19 июля 1789 г., - не медлить с отправкой курьера с известием о событии столь большой важности при любых обстоятельствах и имеющем в настоящее время особое значение для нашего двора. Было бы заблуждением рассчитывать теперь на союз и тем более на политическое влияние Франции. Каковы бы ни были соображения нового министерства по отношению к предполагаемому союзу с ее императорским величеством, оно не может уделить ему большого внимания, и надо рассматривать Францию при решении стоящих перед нами в данный момент вопросов как несуществующую. Я не беру на себя смелость давать советы, но все же считаю своей обязанностью доложить о положении дел, каким оно мне представляется, и сказать, что Франция, даже с наилучшими намерениями по отношению к нам, не сможет оказать нам никакой услуги и что союз с ней будет иллюзорным для Российской империи. Кроме того, нация питает отвращение к союзу с австрийским домом, из-за королевы, и если бы даже можно было заключить договор, он был бы нарушен, потому что министры будут вынуждены следовать принципам и побуждениям третьего сословия, которые возьмут верх над всеми другими соображениями. Если императрице нужны посредники, чтобы облегчить завершение двух войн, которые она ведет, то будет совершенно необходимо обратиться к кому-либо другому, - Все поражены при виде того, что в течение тридцати шести часов французская монархия была уничтожена и ее глава вынужден соглашаться на все, чего разнузданный, жестокий и варварский народ требует от него с такой дерзостью и таким повелительным тоном, и еще считать себя при этом очень счастливым, что народ сообразовался удовлетвориться его отречением от своей власти и от своих прав».

Сочувственные отзывы Симолина о некоторых актах Национального собрания не исключают того, что в ряде своих донесений он с самого начала революции совершенно открыто высказывает свое отвращение к выступлениям народных масс. Говоря о столкновениях толпы, соединившейся с французской гвардией против королевского немецкого полка, накануне взятия Бастилии, Симолин характеризует эти столкновения как «безобразия» («scandales»). Говоря о событиях 14 июля, он пишет: «Жестокость и зверство французского народа проявились при всех этих событиях в тех же чертах, как и в Варфоломеевскую ночь, о которой мы еще до сих пор с ужасом читаем, с той только разницей, что в настоящее время вместо религиозного фанатизма умы охвачены политическим энтузиазмом, порожденным войной и революцией в Америке»⁵¹. Сообщая о расправе толпы с интендантом армии Фулоном и его зятем Бертье, Симолин добавляет: «Париж походит на логовище тигров» («Paris ressemble a un repaire des tigres»).

Эта ненависть к наступлению «низов» была характерна для той политической группировки, на которую в то время ориентировался, по-видимому, Симолин⁵². Такой группировкой были монархисты из правого центра, так называемые беспристрастные, стоявшие на точке зрения не революции, а реформы, выступавшие как сторонники абсолютного veto короля, двухпалатной системы и последовательного проведения в конституции принципа разделения властей.

Эта умеренная аристократическая группировка, занимавшая как бы промежуточное положение между крайними правыми и монархистами-конституционалистами, возглавлялась депутатами Национального собрания Мунье и Лалли-олланделем, а после их эмиграции - депутатами Малуэ и Клермон-Тоннером. Представителями этого течения был организован «Клуб независимых», который назывался потом «Клубом друзей монархической конституции» (был закрыт в марте 1791 г.). С этой точки зрения отнюдь не случаен хвалебный отзыв Симолина о выступлении докладчика конституционного комитета Мунье.

По мере разворачивания революции отношение к ней Симолина становится все более и более враждебным. «Полнейшая и беспримерная анархия, - пишет он в донесении от 7 августа 1789 г., - продолжает приводить Францию в состояние полного разрушения. Нет ни судей, ни законов, ни исполнительной власти, и о внешней политике настолько нет речи, как будто это королевство вычеркнуто из списка европейских держав. Национальное собрание, по-видимому, раздирается на части враждебными друг другу кликами. Король и королева содрогаются в ожидании неисчислимых последствий революции, подобной которой не знают летописи».

Еще более эта ненависть к выступлениям масс заметна в донесении Симолина об октябрьских событиях 1789 г. «Новое восстание, - пишет он 9 октября 1789 г., - трагические и гибельные последствия которого неисчислимы, повергло Париж и Версаль в ужас. В понедельник утром 5-го этого месяца несколько сотен торговцев, величаемых теперь «дамами рынка», рассеялись по городу и принудили идти за собою попадавших им навстречу женщин. Они вооружились чем попало. Затем направились к Ратуше; несколько мужчин присоединились к ним. Ратуша была взята силой. Они завладели оружием и запасными пушками и с триумфом их увезли... В полдень толпа этих женщин в количестве нескольких сотен двинулась на Версаль...»

Весь дальнейший рассказ о вторжении толпы в королевские покои проникнут презрением и ненавистью Симолина к этой «толпе» и его сочувствием королевской семье, которой пришлось переехать в Париж в качестве «пленников».

Сообщив о волнениях, происходивших во французском флоте, он винит во всем... «Декларацию прав человека и гражданина». «Вот, - восклицает он, - результат Прав человека, которые внесли сумбур в головы французов и свергли монархию... Подробности нового возмущения ужасны. Мятежники потребовали равенства, установленного Декларацией прав человека, и один из них заявил Альберу де Риом: «Предписывают законы те, кто сильнее, а потому это право принадлежит нам», И весь экипаж «Патриота» поддержал такую преступную наглость»⁵³.

Но и многие акты Национального собрания вызывают теперь у Симолина негодование.

В марте 1790 г. он пишет, например: «Каких только сумасбродств и безумств нет в головах 1200 величеств, и невозможно предвидеть, каковы будут в конце концов последствия этого... Все в этом королевстве дезорганизовано, извращено, уничтожено, и расстройство финансов сулит банкротство, если даже о нем не будет объявлено»⁵⁴.

Симолин возмущался мартовским декретом Национального Собрания о выкупе феодальных прав, хотя этот декрет, как известно, устанавливал выкуп как раз наиболее ценных для помещиков повинностей, и притом на самых невыгодных для крестьян условиях. «Большинство статей (декрета. - Н.Л.) - пишет он, - вопиющая несправедливость: они грабительно без возмещения отнимают у владельцев их права, оставляя на их плечах все обязанности, какие они несли в связи с этими правами. Можно подумать, что Национальное собрание имело намерение подготовить почву к последующему аграрному закону»⁵⁵.

Еще более пессимистически, чем раньше, расценивает теперь Симолин Францию как фактор европейской политики. Он считает, что Франция как бы сошла с арены международной политики. «Только провидение может предугадать, - пишет он, - когда Франция сможет снова занять свое место среди держав Европы. Если судить по сложившейся обстановке, то, конечно, это не произойдет в настоящем столетии, если бы даже контрреволюция, кажущаяся невозможной при существующем положении дел, перевернула все, что совершено за это время»⁵⁶.

Излишне доказывать, что в данном случае опытный екатерининский дипломат жестоко ошибался; разделившись с внутренней контрреволюцией в 1793 г., Французская республика одержала уже в следующем году ряд побед и стала важным фактором международной политики.

В одном из майских донесений 1790 г. Симолин выражает свое возмущение по поводу нападения толпы на дома издателей контрреволюционных органов «Actes des Apftres» и «Gazette de Paris»⁵⁷. В донесении от 14 мая 1790 г. он сообщает о выдвинутом в Якобинском клубе предложении «отозвать всех находящихся при иностранных дворах послов и посланников, подозреваемых в симпатиях к аристократам, и заменить их поверенными в делах и консулами, на которых можно положиться». И тут же добавляет: это предложение «тем более по вкусу бешеным («des enragés»), что они не удовлетворяются тем, что привели Францию в состояние ужасной анархии, но стремят уподобить ей все королевства и государства Европы». Отсюда Симолин делает вывод: «По-моему, необходимо установить в всех странах самое внимательное наблюдение над приезжающими туда французами...»

С другой стороны, Симолин считает, что и «для молодых людей других наций» пребывание во Франции становится очень опасным: «Умы их возбуждаются и проникаются принципами, которые могут причинить им вред при возвращении их в отечество».

Наблюдение за проживающими во Франции русскими входило в одну из обязанностей Симолина. После того как он получил из Петербурга депешу от 4 июня 1790 г., предписавшую ему добиться выезда всех русских из Франции⁵⁸, он усиленно собирает сведения о проживающих в Париже русских подданных и торопит их с отъездом⁵⁹. Установить местопребывание в Париже графа П.А.Строганова царскому послу не удалось, несмотря на усердные поиски, которые предпринял, по поручению посла, священник при русской миссии. Но Симолин спешит сообщить, что воспитатель молодого Строганова (будущий член Конвента, [Ромм](#)) «связал его с самыми крайними бешеными из Национального собрания и Якобинского клуба, которому он, кажется, подарил библиотеку»⁶⁰. [[Образец вольнодумства Павлуши Строганова](#)]

В донесении от 25 июня 1790 г. Симолин сообщил о принятой Национальным собранием депутации, состоявшей из иностранцев, «от всех проживающих в Париже наций». Члены депутации просили предоставить ей места на празднике Федерации, чтобы потом рассказать повсюду о том, что они видели и пережили на этом празднике. Перечисляя состав депутации, Симолин добавил: «Называют также русских, в чем я сомневаюсь»⁶¹. На полях донесения имеется пометка Екатерины II: «Писать, чтоб сведомился, кто оне таковы»⁶². Получив этот запрос, Симолин ответил (25 августа 1790 г.), что ему не удалось установить никаких следов участия русских в этой делегации.

Эта перемена в отношении Симолина к событиям Французской революции сказалась и на подборе выславшейся им литературы. С начала 1790 г. контрреволюционные «Actes des Apftres» занимают среди интересующей Симолина литературы первое место.

Неудачное бегство королевской семьи в Варенн - событие, в котором Симолин, по его собственным словам, был «несколько замешан, хотя и самым невинным образом», - только усилило его враждебное отношение к французской революции. Но здесь необходимо выяснить его роль в организации этого неудавшегося бегства.

Отъезд короля и его семьи из Парижа состоялся [в ночь с 20 на 21 июня](#) 1791 г.⁶³ Узнавший и остановленный в Варенне король предъявил паспорт, выданный за подписью Монморена на имя некоей госпожи Корф, отправлявшейся во Франкфурт с двумя детьми, лакеем, тремя слугами и горничной. Госпожа Корф была вдовой полковника русской службы, убитого при осаде Бендер. Незадолго до бегства короля она просила, через третье лицо, у Симолина достать ей два отдельных паспорта - один для нее, другой для ее матери, чтобы ехать во Франкфурт. По просьбе Симолина паспорта были выданы Монмореном. Несколько дней спустя госпожа Корф отправила Симолину записку, в которой писала, что, «сжигая различные ненужные бумаги, она имела неосторожность бросить в огонь также свой паспорт», и просила Симолина достать ей дубликат. В тот же день Симолин обратился к ведавшему выдачей паспортов секретарю с просьбой заменить якобы сгоревший паспорт другим, приложив записку госпожи Корф. Дубликат паспорта был выдан.

Таким образом, факт попытки королевской семьи бежать к границам Франции с чужим паспортом, выданным по просьбе русского посла в Париже Симолина, является вполне установленным.

По возвращении короля в Париж Монморен был вызван для объяснения в Национальное собрание. Здесь ему удалось оправдаться по обвинению в том, что он содействовал побегу королевской семьи. «Однако народ бросился с такой яростью к его дому, что забили тревогу, и три отряда национальной гвардии отправились туда, чтобы защитить дом от разграбления»⁶⁴. Не менее сильно было негодование демократических слоев Парижа и против Симолина. «Граф де Монморен и я, - доносил Симолин 19 сентября 1791 г., - могли стать жертвами народной ярости». «Только усиленная охрана спасла графа де Монморена от фонаря, а его дом от разграбления». «Что касается меня, - продолжает Симолин, - то на собрании в Palais Royal была вынесена резолюция, подтвержденная на другой день собравшимися на Елисейских полях, схватить меня и расправиться со мной как с сообщником по организации бегства короля. Молодой граф Мусин-Пушкин и его друг по путешествию, услышав это постановление, требующее крови, прибежали ко мне, чтобы предупредить меня об угрожающей мне опасности. Один разумный человек из толпы восстал против жестокости такого намерения и против нарушения международного права, которому был бы, таким образом, нанесен ущерб в моем лице. Ему ответили: «Что его императрица может нам сделать?». Первое впечатление от разыгравшихся событий, по-видимому, было таково, что не оставалось сомнений в прямом участии Симолина, как и Монморена, в организации бегства королевской семьи. В изданном Lescure'ом в 1866 г. трехтомном собрании «Correspondence secrète inidite de Louis XVI, Marie-Antoinette, la cour et la ville de 1777 a 1792», составленном на основании рукописей «Императорской библиотеки в Санкт-Петербурге», имеется письмо 28-е, датированное 9 июля 1791 г., из Парижа, в котором говорится: «Создалось убеждение, что русский и шведский послы были осведомлены об отъезде короля»⁶⁵. Это мнение перешло потом в литературу. В статье Рамбо, вошедшей в известную «Всеобщую историю» под редакцией Лависса и Рамбо, прямо говорится: «Екатерина вместе с Густавом III участвовала в заговоре, которым было подготовлено бегство в Варенн: ее парижский посол Симолин выдал будто бы на имя баронессы Корф паспорт, которым должна была воспользоваться королевская семья»⁶⁶. Позднейший французский историк, монархист Lenotre, в своей работе «Вареннская драма»⁶⁷ также разделяет эту точку зрения, ссылаясь на одно из донесений Симолина и письмо к нему Остермана, хранящиеся в русских архивах. Но высказывалась и противоположная точка зрения: так, H.Mopin, автор статьи «Simolin» в «La Grande Encyclopédie», совершенно отрицает участие Симолина в «вареннском событии».

Вопрос о соучастии Симолина в подготовке бегства королевской семьи представляется далеко не столь простым, как это полагают некоторые авторы. Сам Симолин категорически отрицал свое сознательное участие в истории с выдачей паспорта госпоже Корф. В донесении от 27 июня он утверждает, что был «несколько замешан, хотя и самым невинным образом, в этом крупном событии». «Не вина г. де Монморена и не моя вина, - читаем в этом же донесении, - что г-жа Корф дала использовать свой паспорт для таких целей, для которых он не предназначался и о которых мы никак не могли предполагать».

А в своем письме к Монморену от 25 июня того же года Симолин писал: «Только сегодня утром из газет узнал я о несчастном случае с паспортом, который имел честь просить у вашего сиятельства три недели тому назад... мое поведение в этом случае было естественно и соответствовало моим обязанностям, и, смею надеяться, каждый согласится, насколько для меня было невозможно заподозрить, что оно впоследствии может дать повод к малейшим обвинениям против вашего сиятельства и против меня, несмотря на необдуманное употребление, которое, по-видимому, было дано этому второму паспорту»⁶⁸.

Из других донесений Симолина явствует, что он сожалел по поводу неудачи с побегом, осуждая в то же время манифест, который оставил король после своего отъезда. «Взрыв, который я предчувствовал, - пишет Симолин, - разразился скорее, чем я предполагал. План содействия выезду короля из дворца со всей королевской семьей был задуман и выполнен очень умно и в большой тайне, но не увенчался успехом. Монарх был арестован в двух милях от границы и препровожден в Мец; можно только содрогаться при мысли о несчастьях, которые грозят королевской семье, особенно королеве, рискующей стать жертвой жестокого и кровожадного народа»⁶⁹.

Однако можно привести ряд соображений, заставляющих сомневаться в том, что Симолин был осведомлен об употреблении, которое было сделано с паспортом, опрометчиво выданным по его просьбе Монмореном. Известно, что план бегства и его осуществление были организованы другом королевы, Ферзеном - шведским офицером на французской службе, бывшим душой всего предприятия. Между тем Симолин не был тогда близок с Ферзеном и не раз отзывался о нем в весьма нелестных выражениях в своих донесениях, относящихся ко времен; русско-шведской войны, закончившейся лишь в августе 1791

Из опубликованной в 1877-1878 гг. переписки Ферзена мы знаем, что выработанный им план побега был особенно тщательно законспирирован, что о нем были осведомлены только четверо французов, из которых трое находились тогда за пределами Франции, а четвертый, генерал Буйе (Bouilly), - за пределами Парижа.

Осведомляя об этом барона Таубе, Ферзен не рекомендует ему сообщать подробности даже шведскому королю (Густаву III), опасаясь «нескромности» последнего. Никаких указаний на соучастие Симолина в письмах Ферзена не имеется. Но о плане бегства королевской семьи под защиту иностранных государей, и в первую очередь шведского, были еще осведомлены шведский посол в Париже де Сталь и его жена, француженка по национальности (дочь Неккера). По-видимому, г-жа де Сталь кое-кому проболталась, хотя бы, например, членам Национального собрания Талону и Семонвилю, «двум бешеным якобинцам», по аттестации Ферзена. Неопределенные слухи насчет данного плана, возможно, дошли и до Лафайета, Байи, Монморена и др. Были приняты меры предосторожности, что не помешало, однако, королевской семье поздно вечером ускользнуть незамеченной из Тюильри⁷⁰.

В тот момент Симолин стоял в стороне от той придворной клики, которая возглавлялась королевой, Ферзеном, бароном де Бретейлем и Буйе. Как мы уже видели, его симпатии склонялись к промежуточной группировке - умеренных аристократов (Мунье и Лалли-Толландаля). Правда, к моменту бегства короля влияние Монморена на Симолина заметно падает, но отрицать его совсем, даже для осени 1791 г., не приходится.

Сам Монморен, бывший воспитатель Людовика XVI, был всецело предан королевской семье и пользовался доверием короля, тем не менее он в это время уже не разделял тактики, которую рекомендовала королю придворная клика де Бретейля, Ферзена и Буйе.

Особенно пагубным для короля Монморен считал влияние Ферзена на Марию-Антуанетту.

Друг Монморена, дипломат и эмигрант Сен-Прист сообщает в своих мемуарах, что после переезда королевской семьи из Версаля в Париж в апартаментах короля в Тюильри он встретил Ферзена и Монморена, причем последний обратил внимание Сен-Приста на то, что «присутствие графа Ферзена, связь которого с королевой была известна, могло подвергнуть опасности как его самого, так и короля»⁷¹.

Только в начале июня 1791 г. Монморен был исключен из членов Якобинского клуба. Патриоты считали его изменником, роялисты обвиняли его в союзе с разрушителями монархии.

Монморен, по-видимому, не только не был, но и не мог быть в курсе разработанного и законспирированного Ферзеном плана бегства короля, хотя слухи о существовании этого плана и могли до него доходить: в 1790-1791 гг. при дворе его уже считали неудобным. Его отставки с поста министра иностранных дел добивался «комитет принцев», и ходили слухи о назначении на это место Сен-Приста [Сен-При]⁷². Король и королева не держали Монморена в курсе своей закулисной политики. Его оставляли на министерском посту, поскольку считали наиболее подходящей фигурой для сношений с Национальным собранием и представительства *официальной* политики короля, которая, как известно, имела очень мало общего с его тайной политикой, осуществлявшейся совсем через других лиц⁷³.

В одном из донесений Симолина сообщается о встрече Монморена с королем после того, как королевская семья была снова водворена в Париже. «Граф де Монморен, - пишет Симолин, - видел короля и королеву наедине. Их величества говорили с ним о своем путешествии, *в тайну которого они его не посвятили* (курсив мой. - Н.Л.). На это министр ответил: «Ваше величество, не желая подвергать испытанию мою совесть, вы подвергли опасности мою жизнь»⁷⁴.

В другом донесении Симолин говорит, что «король и королева привыкли его (Монморена - Н.Л.) обманывать и подвергли его уже однажды испытанию, которое едва не оказалось для него весьма прискорбным». Это донесение относится к концу августа 1791 г., когда в Париже распространились слухи о подготовке нового побега королевской семьи. Организаторами предприятия снова называли барона де Бретейля, Буйе и Ферзена. В связи с этим Симолин, очевидно, вспоминает о тол трудном положении, в какое Монморен был поставлен после вареннского бегства. Добавим, кстати, что вместе с Монмореном Симолин не одобрял этого плана второго побега. «Можно быть уверенным, - писал он там же, - что не было бы ничего тягостнее и гибельнее для страны, чем осуществление подобного плана, потому что его неизбежным следствием была о гражданская война, сигнал к которой был бы дан массовым убийствами»⁷⁵.

Если бы Симолин был осведомлен о подготавливавшемся бегстве королевской семьи, то едва ли мог бы писать в одном из своих донесений: «Утверждают, что здесь имеются неопровержимые доказательства осведомленности шведского короля о плане бегства короля»⁷⁶.

Не приходится игнорировать и одно место из письма вице-канцлера Остермана к Симолину с выговором за неуместное выражение, допущенное Симолиным в письме к Монморену. Оказывается, Екатерина проявила крайнее недовольство тем местом в письме Симолина к Монморену, где русский посол квалифицировал употребление, которое было сделано с паспортом на имя госпожи Корф, как употребление «необдуманное» («usage inconsidéré»).

«Этот эпитет, - писал Остерман, - весьма мало приложим к обстоятельству, о котором шла речь, *и если бы вы даже предоставили такой паспорт с действительным намерением оказать содействие христианнейшему королю и тем способствовали бы его безопасности, то такой поступок был бы во всех отношениях приятен ее императорскому величеству*»⁷⁷ (курсив мой. - Н.Л.).

Это место из письма Остермана заслуживает особого внимания. Из него следует, что, по крайней мере, петербургский двор ничего не знал о том, что, ходатайствуя перед Монмореном о выдаче дубликата паспорта госпоже Корф, Симолин был якобы осведомлен о том, что этим паспортом воспользуется при своем побеге из Парижа королевская семья.

Против этого предположения говорит и оправдательное письмо, посланное Симолиным Остерману в ответ на полученный выговор от Коллегии иностранных дел.

В этом письме Симолин ссылается, в свое оправдание, на то, что без опубликования злополучного письма он, как и граф Монморен, «могли стать жертвами народной ярости», он кается за допущение им эпитета, «не одобренного ее императорским величеством», но ни слова не говорит о том, что сознательно содействовал побегу короля. Между тем именно такое признание должно было, несомненно, смягчить гнев императрицы. Сделать его было тем естественнее, что это донесение Симолина было послано зашифрованным. Тем более непонятно его умолчание насчет его действительного участия в вареннском бегстве, если бы таковое участие имело место.

Итак, целый ряд веских соображений, приведенных выше, заставляет нас сомневаться в правильности мнения, будто Симолин был одним из сознательных соучастников вареннского бегства.

Но совершенно несомненно, что это событие, а также получение выговора от императрицы заставили Симолина изменить свою позицию в отношении к Французской революции. Это чувствуется уже по донесениям, отправленным им непосредственно под впечатлением возвращения короля в Париж. «Нельзя не согласиться, - читаем в его приложении к донесению от 4 июля 1791 г., - что Национальное собрание обращается с этим несчастным монархом с суровостью и жестокостью, которым нет примера в истории. Эти факты кладут вечное пятно на французскую нацию».

После ареста короля Симолин совершенно перестал появляться на дипломатических конференциях у Монморена⁷⁸.

Но даже осенью 1791 г. Симолин не одобрял происков придворной клики, советовавшей Людовику XVI отказать в утверждении конституции, и в этом отношении он разделял точку зрения Монморена. «Продолжают оказывать давление на решение важного вопроса о принятии королем конституции, - доносит Симолин 12 сентября 1791 г. - В пятницу вечером лицо, принимающее самое близкое участие в этих делах, покинуло в гневе заседание некоего комитета, образованного по этому случаю, говоря о невозможности служить людям, чьи мнения так изменчивы, которые так же быстро хватаются за несбыточные надежды, как и впадают в отчаяние от малейших неудач, что нескольких аплодисментов, полученных королевой, когда она стояла у окна Тюильри, достаточно для того, чтобы считать себя кумирами народа и думать, что, следовательно, они могут все изменить, все восстановить по своему усмотрению. Далее это лицо сетовало, что на основании всех советов, всех докладов, всех писем, полученных королем по этому случаю, он составил на свой лад акт принятия (конституции - Н.Л.), настолько же неудовлетворительный, насколько и гибельный для его собственных интересов... Это же лицо прибавило, что сам г. де Монморен исчерпал все свое влияние, чтобы заставить их величества изменить свои мнения, внушенные, несомненно, членами правой стремящимися лишь к смуте, и пришел к выводу, что если уж невозможно добиться правления конституционно-монархического, то лучше довериться республиканам и иметь республику, чем не иметь совсем ничего»⁷⁹.

Симолин считал, что лучшей тактикой короля для данного момента могло быть только «выжидать время». Отсюда и «крайне неодобрительный отзыв о принцессе Елизавете - «Высокомерная ханжа не может себя заставить признать новое положение вещей»⁸⁰.

Учитывая поправление Национального собрания после бегства короля и особенно расстрел республиканской демонстрации на Марсовом поле (17 июля 1791 г.), Симолин видел теперь в Собрании оплот против дальнейшего развития революции. «Со времени бегства короля, - с удовлетворением констатирует Симолин 3 августа 1791 г., - которое было результатом вероломных советов, Национальное собрание быстрыми шагами идет к восстановлению порядка и в этом встречает поддержку со стороны общественного мнения... Наконец-то друзья мира могут предвидеть конец революции и тех зол, которые она за собой повлекла... Таково положение дел в настоящий момент, и было бы желательно, чтобы деятельность теперешнего Собрания была продолжена до ближайшего мая, чтобы парализовать влияние Якобинского клуба и его отделений на новые выборы.

Если в начале революции симпатии Симолина были на стороне умеренно-аристократической группы Собрания, то теперь он ставил ставку на фракцию так называемого триумvirата (Барнав, Дюпор и Александр Ламет), сблизившуюся после бегства в Варенн со двором. В связи с этим снова воскресли его надежды на полное примирение Собрания с королем. Симолин готов был поверить искренности Людовика XVI, присягнувшего конституции и призывавшего принцев вернуться из эмиграции. Вот почему в августе-сентябре 1791 г. он был еще далек от мысли об интервенции держав во Францию.

Между тем для Екатерины II вопрос о разрыве с революционной Францией был уже предрешен, как мы видели, еще в августе 1791 г.; в сентябре 1791 г. она держалась того мнения, что не следует признавать никаких актов французского правительства, и желала уже установления международного дипломатического и экономического бойкота Франции впредь до восстановления короля в его прежних прерогативах. Беда Симолина заключалась в том, что он не был достаточно информирован о планах императрицы. Таким образом, осенью 1791 г. политика Симолина в отношении официального французского правительства не соответствовала планам Екатерины. Это подтверждается и сердитой пометкой императрицы на донесении Симолина о миссии аббата Луи, уполномоченного «триумvirатом» вести переговоры с принцами относительно условий их возвращения во Францию. Тот же Луи должен был встретиться в Брюсселе с представителем императора, гр. Мерси, и отговорить его от мысли о совместном выступлении держав против Франции. К моменту появления в Брюсселе аббата Луи гр. Мерси был уже готов к отъезду в Англию как раз с целью склонить последнюю к участию в коалиции против Франции. Но он уверил аббата, что цель его поездки - простое ознакомление со страной. Этой версии поверил и Симолин. Пометка Екатерины II гласила: «Лжековарные те бездельники, кои отечество свое довели до края гибели, ныне стараются через Симолина довести подобные вести никакой веры недостойные и несходственные с истиной, одна декларация, предложенная венским двором, уже довольно опровергает мнимые речи графа Мерси лгуну аббату Луи»⁸¹.

Ставка Симолина на умеренную часть Национального собрания, считавшую возможным полное примирение с королем на основе конституции 1791 г., не могла не вызвать неудовольствия со стороны императрицы, для которой вопрос о разрыве с революционной Францией был предрешен еще летом 1791 г., а конституция 1791 г. была названа ею «антихристовой» конституцией. В письме к Гримму Екатерина замечает: «Я получила очень неприятное известие, что Симолин стал ярым демагогом и теперь восхищается всеми нелепостями, которые совершает негодное Национальное собрание. Я думаю, что его свел с пути истинного г-н д'Отен (d'Autun)»⁸².

В донесении от 3 августа Симолин отзывается еще иронически о проекте шведского короля организовать 20-тысячную армию из набранных в ландграфстве Гессенском и в Испании наемников для контрреволюционной интервенции во Францию⁸³. Считая весьма вероятным, что Испания откажется субсидировать это предприятие, Симолин злорадствует, что план Густава скорее всего рухнет. Только через 4 месяца он наконец усваивает себе политическую линию императрицы и становится сторонником интервенции. В донесении от 9 декабря 1791 г. он пишет: «Настоящее положение вещей требует, по-видимому, самого серьезного вмешательства великих европейских держав для восстановления французской монархии и христианнейшего короля на том посту, который уготован ему провидением. Бессмысленность теперешней системы очевидна. Все установленные власти действуют вяло и слепо следуют воле толпы». Резко критикует Симолин в том же донесении и применение конституции 1791 г. (напомним, что это был уже период Законодательного собрания). «Вопреки духу конституции, - пишет он, - королевский авторитет постоянно подрывается вмешательством законодательного корпуса. Министры по конституции облечены как будто властью даже большей, чем та, какой они пользовались прежде, но Собрание связывает их по рукам и ногам... В итоге, вместо конституции во Франции царит полная анархия, и это королевство придет неминуемо к распаду, если главенствующие державы Европы, объединившись, не остановят дальнейших мероприятий нынешнего Собрания, которое, как видно, представляет собой скопище злодеев, а не соединение законодателей королевства»⁸⁴.

В письме Остермана от 31 июля 1791 г. Симолину рекомендовалось тщательно избегать каких-либо сношений с французскими министрами после того, как власть короля была временно приостановлена. В депеше того же Остермана 5/16 декабря 1791 г. Симолину предлагалось покинуть Париж. «Отношения между Россией и Францией..., - писал Остерман, - стали настолько критическими, что со дня на день может произойти внезапный разрыв дипломатических сношений и связей между двумя государствами». Симолину рекомендовалось переехать в Кельн или Брюссель, чтобы оттуда продолжать свои наблюдения за происходящим в Париже. Симолину предписывалось оставить после своего отъезда из Франции поверенного в делах, которого он должен был связать со своими тайными агентами в Париже⁸⁵.

Но прежде чем выехать из Франции, Симолин становится доверенным лицом королевы, ее тайным агентом по подготовке контрреволюционной интервенции. Сношения Симолина с королевой происходили и непосредственно и через венского поверенного в делах Блуменсдорфа.

В конце декабря 1791 г., когда Симолин был у королевы, во время игры в карты она подозвала его и выразила желание «побеседовать» с ним, но прибавила, что «не решается, так как окружена шпионами». Судя по донесению от 2 января 1792 г., Симолин к этому времени уже вошел в полное доверие Марии-Антуанетты и был в курсе некоторых ее дел. Сообщая, что королева отправила письмо Екатерине II, он добавляет: «Королева написала также недавно королям Швеции и Пруссии, чтобы эти государи не были введены в заблуждение и не считали соответствующим истинным намерениям короля акт от 14 декабря, который его величество вынужден был дать под угрозой меча мятежников, способных на всяческие преступления». В дальнейшем роль Симолина как одного из доверенных лиц Марии-Антуанетты вырисовывается еще определеннее.

«С некоторых пор, - доносил Симолин уже из Брюсселя (11 февраля 1792 г.), - у меня установились более тесные взаимоотношения с королевой, и ее величество просила меня несколько недель тому назад подыскать ей человека, скромность и осторожность которого мне были бы хорошо известны, чтобы доверить ему письмо к императору, ее брату, и поручить лично сообщить ему об истинном ходе дел, о несчастном положении короля и королевской семьи, об их образе мыслей, совсем ином, чем тот, какой они вынуждены показывать, и чтобы опровергнуть ложные сведения, которые, по-видимому, даны об этом его императорскому величеству... Королева, узнав некоторое время спустя, что я получаю отпуск и покидаю свой пост и что мне будет предоставлено право выбрать место, куда я хотел бы поехать, поручила разузнать у меня, не расположен ли я взять на себя исполнение ее просьбы и этого деликатного поручения... Так как я имел возможность непосредственно наблюдать ужасное положение их христианнейших величеств, которые одиноки и не могут довериться нескромным, самонадеянным французам, находящимся в сношениях с принцами или с их друзьями, и так как я был бы польщен знаком доверия, оказанным вашему императорскому величеству их величествами, остановившимися на мне свой выбор, я не мог воздержаться от ответа, что согласен на все, что их величества сочтут нужным мне повелеть, и что я был бы счастлив, если бы смог оказать им полезную и приятную услугу».

В дальнейшем Симолин сообщает о том, что он был принят королевой в ее спальне «после того, как (она - Н.Л.) сама заперла наружную дверь на задвижку». Затем королева дала ему прочесть ее письма, адресованные Екатерине II и Леопольду II, которые Симолин должен был доставить по назначению. Во время беседы, продолжавшейся больше часа, королева, между прочим, рассказала Симолину о бегстве королевской семьи из Тюильри. Потом пришел король, который дал понять, что вся их надежда - на русскую императрицу. В общем, беседа с королем и королевой продолжалась около трех часов. Королева обещала Симолину прислать вместе с письмами «и портфель с очень важными бумагами, которые надлежит положить в королевскую сокровищницу, где хранятся с февраля месяца прошлого года ее бриллианты».

После этого визита Симолин связался, наконец, с главными персонажами придворной клики, находившимися в курсе всех мероприятий королевы, бароном де Бютейлем и графом Ферзенем⁸⁷.

Николай Михайлович ЛУКИН

ЦАРИЗМ И ФРАНЦУЗСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1789 г.

по ДОНЕСЕНИЯМ И.М. СИМОЛИНА

Перед отъездом из Парижа Симолин имел еще одну, прощальную, аудиенцию у короля, в присутствии министра иностранных дел, а у королевы - в присутствии многочисленного двора. «Их величества, - писал по поводу этой аудиенции Симолин 30 января 1792 г., - тем не менее были осведомлены - как публично, так и наедине - относительно уверенный в дружбе и участии, о которых мне поручено было им передать от имени ее императорского величества, и были этим в высшей степени растроганы. Я могу сейчас только сообщить, что они смотрят на императрицу как на ангела-хранителя, что питают к ней самое глубокое и полное доверие и души их всегда будут безгранично открыты для нее».

Поверенному в делах Новикову Симолин рекомендовал при своем отъезде «избегать, насколько возможно, всяких переговоров с теперешним французским министерством, ограничиваться получением сведений о самых важных событиях и давать об этом отчет нашему двору». Одновременно он передал Новикову и свои конспиративные связи, сообщив ему об именах своих тайных парижских агентов⁸⁸.

Донесения, присылавшиеся Симолиным из Вены, говорят о выполнении им поручения, данного Марией-Антуанеттой. Здесь Симолин имел продолжительную беседу с государственным канцлером Кауницем, а затем получил аудиенцию у императора.

Кауниц высказался против проекта интервенции. Доводы Симолина он назвал «сетованиями и жалобами, которые он уже слышал» и на которые «невозможно ответить иначе, как общими местами»⁸⁹.

Скептическое отношение Кауница к возможной интервенции держав в целях восстановления Людовика XVI в его прежних правах разделяли и другие приближенные императора. «Господин де Кобенцль (вице-канцлер - Н.Л.), - доносит Симолин 17 марта 1792 г., - склонен думать, что если французы перейдут Рейн, в ту же минуту все деревни от Бонна до Базеля будут за них и объединятся, чтобы убивать князей, графов и дворян, которые попадутся им под руку».

В последовавшей затем аудиенции у императора Симолин, выполняя поручение королевы, повторил доводы, уже изложенные в беседе с Кауницем. Император соглашался, что задача революции заключается в «подкапывании всех тронов и низвержении всех монархий»⁹⁰. Он выразил уверенность, что в случае, если Национальное собрание объявит войну Австрии союз Австрии, Пруссии и Англии против Франции обеспечен. Но никаких определенных обещаний от императора Симолин не добился.

Преемник внезапно умершего Леопольда II, Франц II, также дал аудиенцию Симолину. Король обещал дать ответ королеве, с приложением к нему особого мемуара, который Симолин и должен был доставить через своих агентов в Париж. В конце переговоров Симолин получил от Кауница весьма неутешительный ответ: «Король и королева Франции не должны сомневаться в том участии, которое принимает король в их положении, и в его намерениях облегчить им его, но что сейчас им можно обещать только нечто неопределенное... что теперь можно было бы прийти к соглашению, но невозможно определить, когда и как оно может быть осуществлено»⁹¹.

Покончившая с монархией [революция 10 августа](#) в глазах Симолина - «гнусное событие», а ее деятели - «чудовища, вампиры, каннибалы». «Национальный конвент, - пишет Симолин, - будет, вероятно, состоять из бандитов, находящихся сейчас в Париже... Задачей его будет, вероятно, провозглашение низложения короля и правящей династии»⁹².

Еще большее возмущение Симолина вызвали сентябрьские события 1792 г. «История тигров и антропофагов, - пишет он, - не дает столь варварских и диких сцен, и столь жестокая мстительность этих чудовищ требует отмщения со стороны всей Европы и истребительной войны с ее стороны, чтобы предохранить остальную часть человеческого рода от подобного безумия»⁹³.

В другом донесении Симолин приветствует декларацию английского правительства, в которой сообщалось, что те, кто будет замешан в насилиях над королем и королевской семьей, никогда не найдут убежища в государствах, подчиненных Великобритании. «Если бы великобританский двор, - пишет он по этому поводу, - обнаружил желание присоединиться к другим европейским государствам, эффект его выступления был бы более обеспечен»⁹⁴.

После казни короля Симолин становится заклятым врагом не только Французской революции, но и всей французской нации.

«Казнь короля, - пишет Симолин, - преисполнит Европу отвращением и ужасом по отношению к нации, достойной истребления, чтобы не оставалось ее имени, заставляющего содрогаться и леденящего кровь».

Приговор королю, вынесенный Конвентом, Симолин характеризует как проявление «зверства и тирании»⁹⁵.

Сообщая о дальнейших событиях начала 1793 г., в частности об успехах контрреволюционного движения в Бретани, Симолин добавляет: «Если бы этим повстанцам могли оказать поддержку извне, контрреволюция стала бы развиваться гораздо скорее, и преступлениям и злодеяниям партии цареубийц скоро был бы положен предел»⁹⁶.

Контрреволюционная роль царизма и его агента Симолина сказала также в активности, проявленной русским послом в деле Дюмуре. Измена последнего приводит Симолина в восхищение. «В момент отправки курьера, - доносит Симолин, - я узнал, что г. Дюмуре с линейными войсками армии присоединился к армии принца Кобургского и составляет теперь ее авангард; что он арестовал комиссаров Конвента и отправил их как пленных в Маастрихт. Спешу передать вашему сиятельству эту важную новость и принести вам свои поздравления по поводу события, которое будет содействовать восстановлению порядка во Франции и спокойствия в Европе»⁹⁷.

Там же Симолин восторженно отзываясь о Дюмуре, о его преданности «молодому королю и королеве, его матери, его твердом решении восстановить во Франции монархию». «Я не сомневаюсь, - пишет Симолин, - что относительно этого он охотно вошел бы в соглашение с союзными державами, чтобы восстановить старое правление».

К тому же донесению Симолин прилагает детально разработанный им проект сделки с Дюмуре в виде двух колонок. В левой колонке донесения он помещает: «То, что берет на себя выполнить г. Дюмуре» 1) «по отношению к Голландии и Нидерландам», 2) «по отношению к крепостям, которые союзные державы хотели бы осадить», и, наконец, 3) «по восстановлению монархии». Под этой последней рубрикой записано, что Дюмуре «воспользуется первым моментом, когда Францию охватит ужас под влиянием успехов союзных держав, чтобы ускорить усмирение, и, доказав всю невозможность сопротивления, употребит тогда все свое влияние, чтобы ускорить восстановление монархии в лице особы нынешнего короля».

В правой колонке Симолин предлагает проект тех обещаний, которые державы могли бы со своей стороны дать Дюмуре. Сюда входит амнистия для самого Дюмуре и всех лиц, которых он назовет, обещание назначения на любую высшую военную должность, ассигнование в его распоряжение такой суммы, «которая сможет ему обеспечить при всяком повороте событий независимое состояние и даст ему средства для подкупа нужных членов Конвента»⁹⁸.

Французские революционные власти не могли, конечно, не знать о контрреволюционной деятельности Симолина, в частности о его сношениях с королевой, его внезапном подозрительном отъезде в Вену и т. д. На оставшиеся в Париже его вещи был наложен секвестр. Судьба вещей очень интересовала Симолина, заботившегося о приумножении своего имущества. В ряде донесений он снова и снова возвращается к этому вопросу.

Приехав в Брюссель в начале августа 1793 г., Симолин узнал, что Парижский муниципалитет категорически отказался выпустить его лошадей и карету, после чего симолиинский агент поспешил их продать. «Такой же отказ, - доносил Симолин, - дан относительно присылки мне моего платья и белья, в которых я очень нуждаюсь»⁹⁹.

В приложении к донесению от 28 апреля 1795 г. Симолин рассказывает, что, будучи в конце 1792 г. в Дюссельдорфе, он послал своего старого слугу-немца за своими вещами и серебром в Париж. Слуга прибыл в Париж, но выполнить поручение Симолина ему не удалось. Перед отъездом он явился в одну из секций за получением паспорта, где был арестован и препровожден в тюрьму. После 8-9-месячного заключения он был гильотинирован. В своем донесении Симолин проливает «крокодиловы слезы» по поводу потери «верного и неповинного слуги» («un domestique fidèle et innocent»), как будто не он сам дал этому слуге столь рискованное поручение.

В этом же донесении Симолин жалуется, что, несмотря на его заявления и протесты, сделанные в свое время, его вещи и мебель, оставшиеся в Париже, были на основании декретов Конвента проданы с молотка. Оставалась лишь столовая посуда, находящаяся на хранении у одного банкира. Удовлетворились тем, что наложили на нее секвестр, вместо того, чтобы отправить ее на монетный двор. Симолин все еще надеется, что она будет ему возвращена. Ссылаясь на то, что Комитет общественного спасения официально признал, что международное право было нарушено в отношении собственности австрийского посольства, Симолин делал вывод, что «это право вдвойне нарушено по отношению к нему, поскольку между русской и французской нациями не было состояния войны».

На этом основании Симолин считал себя вправе требовать от Конвента справедливого вознаграждения за вещи, которые были проданы и не могут быть возвращены натурой. Но щекотливость положения заключалась в том, что, согласно инструкциям из Петербурга, Симолин не мог входить в какие бы то ни было сношения с революционным правительством. Однако когда дело касалось его имущества, царский дипломат, отбросив в сторону всякую гордость, «умолял» Екатерину II разрешить для него от Екатерины II разрешение обратиться к Конвенту¹⁰⁰.

Изученные нами донесения Симолина показывают, что с конца 1791 г. царский посол в Париже стал надежным агентом по организации контрреволюционной политики Екатерины II в отношении Франции. Его робкое сочувствие созыву Генеральных штатов и некоторым актам Национального собрания, объясняемое его надеждами на скорое «умиротворение» страны и присоединение Франции к австро-русскому союзу, быстро испарилось под впечатлением взятия Бастилии и особенно похода парижских женщин на Версаль. Всякого рода революционные выступления «низов», плебейских элементов городов и крестьянства были ему ненавистны с самого начала.

С дальнейшим ходом революционных событий отношение Симолина к революции становится все более и более враждебным, его отзывы не только о левых депутатах, но и о Собрании в целом - все более и более резкими. Весьма показательны в этом отношении его донесения, относящиеся к первой половине 1790 г., и предложение о мерах борьбы с распространением революционной заразы на другие государства. Вместе с тем усиливается и его пессимистическое отношение к Франции как к возможному союзнику царской России. Франция, по его мнению, надолго перестала играть какую-либо роль в концерте европейских держав.

Весной и летом 1791 г. Симолин работал над новым заданием своего двора: надо было добиться демонстрации готовности к войне французского флота, чтобы парализовать усилия английской и прусской дипломатии, поощрявшей турок к дальнейшему ведению войны. Осуществление этой задачи, правда, не удавшееся, требовало от Симолина контакта с Монмороном и заставляло держаться в стороне от двора и его закулисной политики. Симолин не был посвящен в организацию побега короля и его семьи и лишь невольно стал пособником этого бегства, выдав Дубликат вместо якобы утерянного паспорта г-же Корф. Но эти события лета и осени 1791 г. только усилили его отрицательное отношение к революции.

Не получая, однако, своевременно инструкций из Петербурга, Симолин должен был одно время действовать на свой страх и риск. Это повело к тому, что в августе - сентябре 1791 г. его позиция в отношении официального французского правительства резко разошлась с планами императрицы. Вместе с Монмореном Симолин верил в искренность короля, утвердившего конституцию, и надеялся на возможность возвращения принцев-эмигрантов. Такой оборот дела как будто исключал необходимость разрыва дипломатических отношений и интервенции держав во Францию. Между тем для Екатерины II вопрос о разрыве с революционной Францией был предрешен еще летом 1791 г. Осенью того же года она носилась с планом дипломатического и экономического бойкота революционной Франции, к которому надеялась привлечь и другие державы, хлопотала о примирении королевы с партией принцев, разрабатывала политическую платформу для эмигрантов, которые должны были организовать армию для вторжения во Францию, стремилась вовлечь в коалицию против Франции Австрию и Пруссию, имея в то же время и другую цель - обеспечить себе «свободу рук» в Польше. Польские дела, а раньше турецкая война не позволили Екатерине принять активное участие в военной интервенции во Францию.

После выговора, полученного от императрицы, Симолин резко меняет свою позицию. В начале декабря 1791 г. он уже сам становится убежденным и ярким сторонником интервенции. О Законодательном собрании он отзывается как о «сборище преступников». 7 февраля 1792 г. Симолин покидает, под видом отпуска, Париж, но еще до своего отъезда он становится тайным доверенным лицом королевы. По пути из Парижа в Петербург он специально заезжает в Вену для передачи письма Марии-Антуанетты ее брату-императору и пытается склонить австрийское правительство к участию в интервенции во Францию. После казни Людовика XVI Симолин считал, что вся французская нация заслуживает лишь одного - истребления. Весной 1793 г. Симолин играет заметную роль в переговорах австрийского командования с изменником Дюмуре. Его донесения в целом дают весьма значительный и яркий материал, разоблачающий контрреволюционную роль правительства Екатерины II и ее политики в Париже в отношении Великой буржуазной революции во Франции.

Примечания

* Настоящая статья была впервые опубликована в качестве введения к донесениям посла И.М.Симолина в «Литературном наследстве», т.29-30. М., 1937. - *Ред.*

1 «Дневник А.В.Храповицкого. 1782 - 1793 гг.», под ред. Н.П.Барсукова. СПб., 1874, стр. 395 (запись от 17 и 24 апреля). Перевод: «У них нет патриотических пик». Я примолвил: «Ни красных колпаков».

2 См. донесения от 20 июня, 29 июля, 1, 8, 11, 12 августа, 8 сентября, 16 и 22 декабря 1797 г. и от 4 января 1798 г. - Архив внешней политики России (АВПР), фонд «Сношения России с Францией». (В дальнейшем указанием на то, что цитируемый документ публиковался или не публиковался в «Литературном наследстве» (т.29-30. М., 1937) служат слова «публ.» и «не публ.» - *Ред.*).

3 См. Переписка гр. Н.И.Панина с гр. П.А.Румянцевым. «Русский архив», 1882, кн. 3, стр. 18 - 19; Письма гр. А. Р. Воронцова к Безбородко - «Архив кн. Воронцова», т.VIII. М., 1876, стр.250: Письма А.И.Моркова к кн. А.Р. и С.Р.Воронцовым. - Там же, стр.231.

4 Печатные материалы обычно направлялись Симолиным русскому послу в Вене кн. Д.М.Голицыну, который отправлял их дальше (см. например, не публ. приложение к донесениям от 10 и 18 марта 1790 г. и публ. ниже приложение к донесению от 16 апреля 1790 г.). Иногда передача брошюр и газет доверялась ехавшим в Петербург лицам - скульптору Козловскому, французскому офицеру де Ванту (de Vente), отправлявшемуся на русскую службу, аббату Жиро, геометру Дарвалю и (см. не публ. приложение к донесениям от 27 июля, 1 октября, 20 октября 1790 г. и публ. приложение к донесению от 26 января 1791 г.). В АВПР имеются отдельные номера и целые комплекты посылавшихся Симолиным в Петербург французских газет. Из брошюр полемического характера сохранились: «La cabale d'Orléans, ressuscitée et dévoilée par un bon citoyen» (приложена к донесению от 31 мая 1790 г.); «G'en est fait de nous. par Marat» (приложена к донесению от 6 августа 1790 г. «Le secret de la coalition des ennemis de la Révolution française» (приложение к донесению от 14 марта 1791 г.) и др. Часть печатных материалов, прилагавшихся к донесениям Симолина, хранится в Публичной библиотеке им.Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

5 См. приложение к донесению от 16 августа 1792 г. (не публ.) и донесение от 9 октября 1789 г.

6 Донесения агентов от 13, 18 марта, 14 мая 1792 г. Донесения агентов (все они не имеют подписи) хранятся в АВПР в отдельной обложке с заголовком «Bulletins de Paris».

7 См. приложения к донесениям от 5 и 18 апреля 1793 г. (не публ.)

8 См. донесения от 1 и 17 марта 1792 г.

9 Ранее были напечатаны следующие донесения Симолина:

I. От 13 июля 1789 г. и приложение к этому донесению. - Людовик XVI приглашает Бретейля войти в министерство. - В собрании документов. «Louis XVI, Marie-Antoinette et madame Elisabeth. Lettres et documents inédits publiés par Feuillet de Conches», v.I. P., 1864, p.229-232. (По пагинации другого издания этого сборника того же 1864 г. - p.221 - 224).

II. От 17 июля 1789 г. - Наступление революции. - Ibid., p.236 (227-228).

III. От 19 июля 1789 г. - Взятие Бастилии. - Ibid., p.476-481 (455-460).

IV. От 19 октября 1789 г. - Об участии герцога Орлеанского в подготовке восстания в Париже 15 июля и 5 и 6 октября и о беседе с ним по этому поводу Людовика XVI. - Ibid., p.279-280 (226-268).

V. От 16 июля 1790 г. - О празднике Федерации. - Ibid., p.346-347 (329-330).

VI. От 27 июля 1790 г. - Возвращение герцога Орлеанского из Лондона. - Ibid., p. 350 - 351 (332 - 333). Донесение ошибочно датировано здесь 23 июля.

VII. От 27 октября 1789 г. -Выступление Мирабо по продовольственному вопросу. - Ibid., p.482-483 (461-462).

VIII. От 1 апреля 1791 г. - О политике России по отношению к Франции, сравнение ее с политикой Англии и Пруссии, об агенте прусского короля Эфраиме, о Мирабо. - Ibid., v.II. P., 1864, p.24.

IX. Приложение к донесению от 4 апреля 1791 г. - Смерть Мирабо - Ibid., v.II, p.31.

X. От 18 июля 1791 г. - Восстание в Париже, слухи о возможном преемнике Людовика XVI. - Ibid., v.II, p.173.

XI. От 19 августа 1791 г. - Характеристика эмигрантов. - Ibid., v.II, p.23 (опубликован лишь отрывок).

XII. От 27 июля 1790 г. - О русских, проживающих в Париже.

В книге: В кн. Николай Михайлович. Граф Павел Александрович Строганов. 1774 - 1817. Историческое исследование эпохи императора Александра I, т.I. СПб., 1903, стр.231-233 и стр.70 (опубликовано на франц. яз.).

XIII. От 19 июля 1789 г. - О взятии Бастилии - и приложения к этому донесению «Журнал событиям, совершившимся в Париже с 11 по 17 июля 1789 г.» - «Русский архив», 1875, кн. 2, стр.410-416 (опубликовано в переводе).

XIV. От 27 октября 1789 г. - Предложение корсиканцев правительству о присоединении Корсики к России. - Ibid., стр.417 (опубликовано в переводе).

XV. От 27 июня 1791 г. и приложенная к донесению копия письма Симолина к Монморену от 25 июня 1791 г. - О баронессе Корф и ее содействии побегу Людовика XVI из Парижа в 1791 г. - «Русский архив», кн.4, стр.800 (опубликовано в оригинале и в переводе).

Наконец, несколько донесений Симолина, а также депеш Остермана Симолину и других документов в отрывках было использовано еще в некоторых исторических работах, вышедших во Франции.

10 Донесение от 9 октября 1789 г.

11 См., например, приложения к донесениям от 1 мая и 13 июля и донесение от 9 октября 1789 г.

12 См. опубликованное донесение от 19 июля 1789 г. и приложение к донесению от 27 июня 1791 г.

13 О беседах Симолина с Монмореном во время дипломатических приемов послов см. в донесениях Симолина за 1789 г.: от 16 (не публ.) и 3 января, 6, 13 февраля (не публ.), 25 марта (не публ.), 1 мая, 4 июня, 10, 24 июля, 17 августа, а также в приложениях к его донесениям от 13 марта, 11 сентября (не публ.), 30 октября (не публ.), 13, 27 ноября (не публ.); за 1790 г.: в приложениях к донесению от 8 января (не публ.), в донесениях от 22 января (не публ.), 3, 19 апреля, 13 декабря; за 1791 г.: в донесениях от 15 августа (не публ.), 30 сентября (не публ.). В приложении к донесению от 22 августа 1791 г. (не публ.) и в донесении от 19 сентября того же года Симолин сообщает, что воздерживается от официальных сношений с Монмореном.

14 См. приложение к донесению от 19 июля 1790 г., донесения от 9 и 23 мая и 3 июня 1791 г. к донесению от 27 января 1792 г. (все не публ.)

15 См. донесения от 17 октября (не публ.) и 9 декабря 1791 г.

16 См. донесения от 4 июня 1790 г. и 10 апреля 1795 г. (не публ.).

17 См. приложение к донесению от 8 июля 1791 г.

18 См. донесения от 1 апреля и 27 мая 1791 г.

19 См. приложение к донесению от 30 апреля 1790 г. (не публ.).

20 См., например, донесение от 26 января 1791 г. В то же время Симолиным велись переговоры относительно выписки для нужд русской промышленности некоторых французских машин.

21 См. донесения от 1 (не публ.) и 18 апреля (не публ.), 4 июля 1789 г. (не публ.), 24 октября 1790 г. (не публ.), 6 и 31 декабря (не публ.) и 26 января 1791 г.

22 Австрия уже состояла в союзе с Россией.

23 См. донесения от 9 марта и 19 июля 1789 г.

24 См. донесения от 1 апреля, 27 и 30 мая 1791 г.

25 И.Сталин, А.Жданов, С.Киров. Замечания по поводу конспекта учебника по «Истории СССР». «Правда» от 27 января 1936 г.

26 А.Сорель. Европа и Французская революция, т. III. СПб., 1892, стр.242-243.

27 «Дневник А. В. Храповицкого», запись от 29 июля 1789 г., стр.299.

28 Цитируем письмо в переводе с французского текста, опубликованного в «Сборнике Ими. Русского исторического общества», т.42, СПб., 1885, стр.97.

29 «Mémoires, souvenirs et anecdotes par M. le Comte le Segur». Édition Barrière, v. II. P., 1859, p. 170; А. Сорель. Европа и Французская революция (русс. пер.), т. II. СПб., 1892, стр. №183. Интересные сведения о влиянии Французской революции на различные слои русского общества содержатся в донесениях французского поверенного в делах в Петербурге Жене. (См. «Литературное наследство, т.33-34. М., 1939. - Ред.)

30 ЦГАДА. Фонд Госархива, разряд X, д.87-bis.

31 Заключение мира со Швецией (14 августа 1790 г.) и с Турцией (11 августа 1791 г. - подписание прелиминарных условий, 9 января 1792 г. - подписание Ясского мира) развязывало Екатерине руки в отношении Франции, хотя именно Французская революция, помешавшая присоединению Франции к австро-русскому союзу, в значительной мере воспрепятствовала Екатерине II пожать все плоды этих двух войн.

32 «Сборник Имп. Русского исторического общества», т.42, стр.180-181. См. также стр.188.

33 Там же, стр.202. «Две записки Екатерины II по французским делам» - Пильницкий договор между Фридрихом-Вильгельмом II и Леопольдом II (27 августа 1791 г.), по-видимому, был уже известен Екатерине.

34 См. письмо Екатерины II к гр. П.Зубову о разговоре ее с маркизом де Бомбелем (Bombelles) о мерах к восстановлению королевской власти во Франции. - «Сборник Имп. Русского исторического общества», т.42, стр.194 - 195: «J'ai dit... qu'il étoit difficile d'aider quand on ne s'aidait pas soi-même, quo d'agir avec les forces d'autrui étoit le plus grand des malheurs», - говорится в конце письма.

35 «Дневник А. В.Храповицкого», запись от 14 декабря 1791 г., стр.386. Перевод французской фразы: «Есть причины, о которых нельзя сказать; я хочу впутать их в дела, чтобы иметь свободные руки».

36 А.Сорель. Европа и Французская революция, т.II. СПб., 1892, стр.292.

37 «Сборник Имп. Русского исторического общества», т.42, стр.209 (письмо Екатерины II к Зубову).

38 «Сборник Имп. Русского исторического общества», т.42, стр.208.

39 Там же, стр.209, 210 (собственноручная записка Екатерины II о средствах противодействия Французской революции - осень 1791 г.).

40 АВПР. Фонд «Сношения России с Францией», 490, д.269.

41 АВПР. Фонд «Сношения России с Францией», дело № 491, «d'rkches-exp'dition», д.56. - «Projet de lettre du vice-chancelier comte d'Ostermann a M-r de Simolin».

42 См. «Rapport fait a Assemblée nationale par M. Montmorin, ministre des affaires étrangères, le 31 oct. 1791», опубликованный в «Gazette nationale ou le Moniteur Universel», 1791, № 309, 311. Об отношении Екатерины II к королевскому обращению к народу от 28 сентября 1791 г., содержащему лицемерный призыв к всеобщему единению на почве принятой конституции и приглашение эмигрантов вернуться во Францию можно судить по ее ироническим пометкам на полях этого документа, пересланного в Петербург Симолиным. См. «Proclamation du Roi du septembre 1791» (приложена к донесению от 30 сентября 1791 г.).

43 АВПР. Фонд «Сношения России с Францией», дело № 491, «d'rkches-exp'dition» за 1791 г., д.65 - депеша от 3 декабря.

44 АВПР. Фонд «Сношения России с Францией». «Дело о высылке из России французского поверенного в делах Женета» от 1792 г.

45 ЦГАДА. Фонд Госархива, разряд IV, дело 139.

46 См. донесения Жене от 3 декабря 1789 г. и от 8 декабря 1791 г. («Литературное наследство», т.33-34. М.. 1939. - Ред.)

47 ЦГАДА. Фонд Госархива, разряд IV, дело 139.

48 См. донесения от 22 июня (не публ.), 17 августа (не публ.) и 13 июля 1789 г. (не публ.) «Мунье, - сообщает Симолин в последнем донесении, - прочел превосходный доклад, где он, определив с большой точностью слово «конституция», которому дают столь разнообразное толкование и значение, и различая правительства, действующие произвольно (gouvernement de fait), от правительств, основанных на конституции, приходит к выводу, что Франция ее вполне лишена основных законов, способных дать материал для конституции. Что главным образом встретило одобрение, - это вступление, располагающее умы потрудиться над великим делом создания конституции с чувством умеренности, любви я мира».

49 См. донесение от 4 июля 1789 г. (не публ.).

50 Приложение к донесению от 20 сентября 1789 г. (не публ.) и приложение к донесению от 28 января 1790 г.

51 См. приложение к донесению от 13 июля 1789 г. и донесение от 19 июля 1789 г.

52 И не только для нее: дни 13-14 июля внушили страх перед народными массами Парижа даже либеральной буржуазии.

53 См. донесение от 24 сентября 1790 г. (не публ.).

54 См. приложение к донесению от 26 марта 1790 г. (не публ.).

55 См. донесение от 15 марта 1790 г. (не публ.).

56 См. приложение к донесению от 26 марта 1790 г.

57 См. приложение к донесению от 24 мая 1790 г.

58 См. АВПР. Фонд «Сношения России с Францией», дело № 480, д.12, «d'rkches-exp'dition» за 1790 г. - депеша от 4 июня.

59 Два списка проживающих в Париже русских приложены к донесению Симолина от 27 июля 1790 г. (публ.). Эти списки интересны с точки зрения социального состава тогдашней русской колонии в Париже.

60 См. донесение от 27 июля 1790 г.

61 См. донесение от 25 июня 1790 (не публ.).

62 Пометка на листе 133 (к. 48).

63 Ряд интересных подробностей по истории этого бегства дает работа G.Lenotre. Le drame de Varennes. Juin 1791. D'après des documents inédits... etc. P., 1905, а также новейший труд E.Vingtrinier. Histoire de la centre-révolution. Première période (1789-1791), t.I - II., 1924-925. См. также более раннюю обстоятельную работу - V. Fournel. L'émigration de Varennes. P., 1890. Фурнель доказывает что Монморен знал о более раннем плане переезда короля из Парижа и провинцию, разработанном в феврале 1791 г. Мирабо. Но одновременно Фурнель подчеркивает, что Монморен был в неведении относительно «окончательного плана», составленного Ферзенем, «так как король боялся скомпрометировать своего министра» (V.Fournel. Op.cit., p.45, 82). См. также цитируемое Фурнелем письмо Марии-Антуанетты к Леопольду II (от 22 мая 1791 г.), в котором королева сообщает, что о плане побега знают лишь два француза (Bouillй и Breteuil) и еще одно лицо, занятое приготовлениями к бегству, т. е. Ферзен (ibid., p. 48). Слухи о замышляемом двором бегстве короля распространялись еще в 1790 г. (см. «Annales historiques de la Révolution Française», novembre-décembre 1936, p.552 - заметка об одном документе, хранящемся в Национальном архиве).

64 См. донесение от 27 июня 1791 г.

65 Lescure. Correspondence secrète..., t.II, 1866, p.539.

66 Э.Лависс и А.Рамбо. Всеобщая история, т.VIII. М., 1903, стр.343.

67 G.Lenotre. Op.cit., p.54. В словаре «Larousse» под словом «Simolin» читаем: «Это он добыл для королевы Марии-Антуанетты паспорт на имя баронессы Корф и заставил графа Монморена, тогдашнего министра иностранных дел дать свою подпись на этом документе».

68 Копия письма Симолиина к Монморену приложена к донесению от 27 июня 1791 г.

69 См. приложение к донесению от 23 июня 1791 г.

70 «Le comte de Fersen et la cour de France». Extraits des papiers. Publiй par de Klinckowslrcm, t.I. P., 1877, p.84-85. Ферзен в трех различных письмах говорит, что о «предприятии» знают только четверо французов (см. еще p. 96, 113).

71 «La Révolution et l'Emigration». Publiй par de Barante, t.II. P., 1929, p.22.

72 О Монморене см. еще Goetz-Bernstein. La diplomatie de la Gironde, J.-P.Brissot, P., 1912.

73 E.Vingtrinier. Op.cit, vol.I, 143-144; vol.II, p.147-74

74 См. приложение к донесению от 8 июля 1791 г.

75 См. приложение к донесению от 29 августа 1791 г.

76 См. приложение к донесению от 8 июля 1791 г.

77 «Проект письма вице-канцлера графа Остермана господину Симолину от 31 июля 1791 г.». Это письмо приводится в примечании у G.Lenotre (Op.cit., p.56), но последний не делает из него никаких выводов. (См. полный текст письма в «Литературное наследство», т.29 - 30. М., 1937, стр.489-490 - Ред.)

78 См. приложение к донесению от 19 сентября 1791 г.

79 См. приложение к донесению от 12 сентября 1791 г.

80 См. приложение к донесению от 16 сентября 1791 г.

81 Резолюция Екатерины II на донесении от 19 августа 1791 г. (не публ.).

82 «Русский архив», 1878, кн. 10, стр. 195. О связи Симолина с бывшим епископом Отенским-Талейраном см. в донесения от 1 апреля 1791 г. (публ.).

83 См. донесение от 3 августа 1791 г. Возможно, что в данном донесении Симолин сообщает с запозданием все о том же плане шведской интервенции, который был задуман и тщательно разрабатывался Ферзенем еще задолго до бегства в Варенн (см. «Le comte de Fersen...». Op.cit., t.I, p.82).

84 См. донесение от 9 декабря 1791 г.

85 См. «dйrkches-ехрйdition» за 1791 г., отпуски депеш от 31 июля и 3 декабря (дд.56, 74).

86 Копии письма королевы ее брату и ее же записки князю приложены к донесениям Симолина от 11 февраля 1792 г. Письмо Марии-Антуанетты к Екатерине II (от 3 декабря 1791 г.) Симолин упоминает в донесении от 22 декабря 1791 г./2 января 1792 г. (см. «Литературное наследство», т.29-30, стр.526-528 - Ред.). Оно разоблачает поведение короля, принявшего для виду конституцию и официально оповестившего об этом через Монморена европейские державы и в то же время подстрекавшего иностранные дворы к интервенции.

87 См. донесение от 11 февраля 1792 г.

88 См. донесение от 30 января 1792 г.

89 См. донесение от 1 марта 1792 г.

90 См. донесение от 4 марта 1792 г.

91 См. донесение от 17 марта 1792 г.

92 См. донесение от 16 августа 1792 г.

93 См. донесение от 10 сентября 1792 г.

94 См. приложение к донесению от 24 сентября 1792 г.

95 См. донесение от 27 января 1793 г. (не публ.).

96 См. донесение от 5 апреля 1793 г.

97 См. приложение к донесению от 5 апреля 1793 г.

98 Приложение к донесению от 5 апреля 1793 г.

99 См. приложение к донесению от 3 августа 1793 г.

100 См. донесение и приложение к донесению из Франкфурта от 28 апреля 1795 г. и приложение к нему (не публ.). См. еще приложение к донесению от 16 декабря 1793 г. (не публ.), из которого узнаем, что все дома, векселя и вещи испанского и голландского послов были также конфискованы.